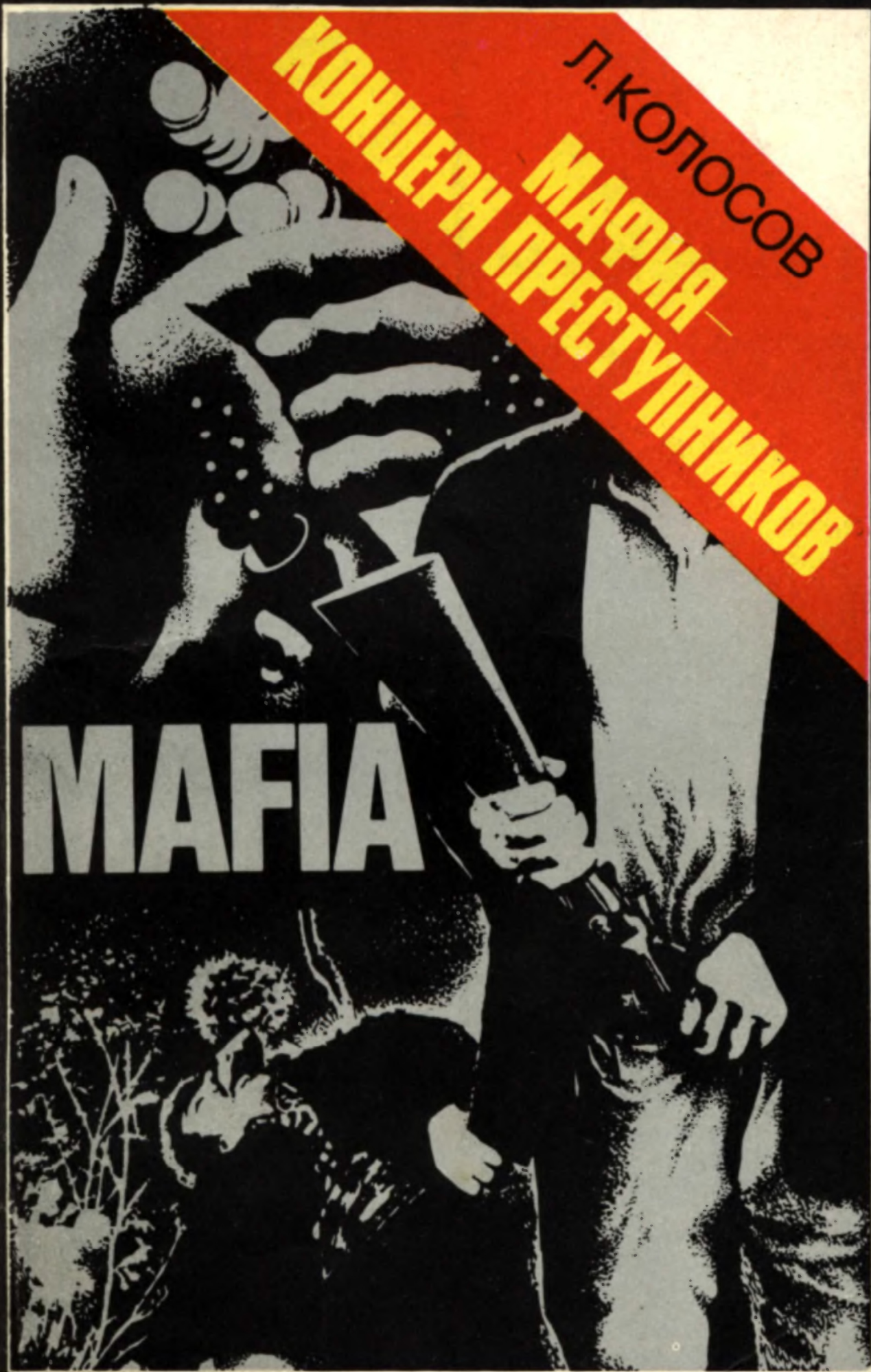


Владыки капиталистического мира

Л. КОЛОСОВ
МАФИЯ —
КОНЦЕРН ПРЕСТУПНИКОВ

MAFIA



Владыки
капиталистического
мира

МАФИЯ— КОНЦЕРН ПРЕСТУПНИКОВ

Л. КОЛОСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1976

ЗЗИ
К61

Колосов Л. С.

К 61 **Мафия — концерн преступников.** М., По-
литиздат, 1976.

79 с. (Владыки капиталист. мира).

Мафия... Она родилась на Сицилии много веков назад как протест против иноземных завоевателей. Но со временем из средства защиты угнетенных мафия превратилась в орудие господствующих классов, организацию, живущую и действующую по специфическим законам преступного мира. Нынешняя мафия — типичный продукт капиталистического общества.

Об истории возникновения мафии, о превращении ее в орудие эксплуататоров, о методах ее деятельности на Апеннинах и в Соединенных Штатах Америки, об использовании этой террористической организации империалистическими разведками, представителями крупного бизнеса и крайне правых кругов рассказывает автор — журналист-международник.

Памфлет рассчитан на самые широкие круги читателей.

К $\frac{11105-054}{079(02)-76}$ 185—76

ЗЗИ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1976 г.

Тени острова Солнца (Вместо предисловия)

Сицилия. Остров Солнца, как называли эту землю самые древние ее обитатели. Один из ничем не примечательных городков неподалеку от моря. Белые домики, неизменные пальмы и слепящее солнце. Небольшая компания ищет спасения в тени садовых деревьев. Люди сонно перекидываются в карты. Оживление вносит местный аптекарь Манно. Он показывает своим партнерам полученное им анонимное письмо. Отдельные слова и буквы, вырезанные из газеты и наклеенные на бумагу, образуют фразу: «За свои дела ты приговорен к смерти и умрешь». Но какие дела у фармацевта? Все знают, что Манно совершенно безобидный человек, немного легкомысленный, да и то потому, что женился по расчету на старухе.

— Не обращай внимания,— лениво бросает ему адвокат Розелло, один из богатейших и влиятельнейших людей города.— Это дело рук одной из твоих ревнивых поклонниц.

Компания смеется. Грешки молодого фармацевта известны.

— Это просто злая шутка,— успокаивает своего постоянного коллегу по охоте местный врач Рошио.

Ранним утром следующего дня приятели отправляются за город. Об инциденте забыто. Летят стайки вальдшнепов, азарт овладевает охотниками. Выстрелы гремят один за другим. Падают убитые птицы. А потом вдруг раздаются выстрелы из соседних кустов, и оба охотника остаются лежать окровавленными на земле..

Полицейский комиссар с карабинерами приезжает на место преступления. Но свидетелей нет. Никто ничего не видел. Безутешно рыдает вдова врача, красавица Луиза, плачет ее кузен, адвокат Розелло. Для него все ясно: мафия убила фармацевта Манно «по заказу» за его донжуанские проделки, а доктор Рошио пал жертвой случая. Преступников, следовательно, нужно искать среди местных членов мафии, или мафиози *, как их называют на Сицилии. Эту идею адвокат подает полицейскому комиссару. Карабинеры арестовывают трех «подозреваемых» из предместья городка и препровождают их в тюрьму.

Но не все ясно в этой истории местному учителю Паоло Лаурано, который играл в карты вместе со всеми за день до убийства. Он держал в руках анонимное письмо, полученное аптекарем. Случайно отклеилась газетная полоска со словом «приговорен», и по обратной ее стороне учитель понял, что вырезки сделаны из католической газеты «Оссерваторе Романо». Паоло знает, что конверт с анонимкой был опущен в городе. Кто же здесь получает «Оссерваторе Романо»? Оказывается, только три человека: архиепископ, местный священник и адвокат Розелло. Учитель идет к священнику и просит подшивку газеты. Но хитрый и циничный прелат все отлично понимает. «Вы не там ищете, сын мой,— слащаво говорит он.— Посмотрите вокруг ваших ближних и никому не доверяйте».

Подозрения Паоло укрепляются после того, как он встречается в Палермо со своим школьным приятелем, депутатом-коммунистом. Приятель вспоминает, что незадолго до своей загадочной смерти доктор Рошио рассказывал ему о безобразиях, творимых «правлящей группой» в его родном городе, о спекуляции земельными участками, о липовых подрядах и обещал привезти документальные материалы, свидетельствующие о ее преступных злоупотреблениях, для разоблачения их в парламенте. Все становится на свои места. Ну конечно же не фармацевт, а доктор Рошио был главной жертвой мафии. Именно его решила убрать «правлящая группа», чтобы скрыть свои преступления, а фармацевт был лишь ширмой в этом

* В единственном числе «мафиозо».

убийстве, подсадной уткой для полиции, чтобы направить ее по ложному следу.

Подозрения учителя падают на адвоката Розелло. Ведь именно он командует «правлящей группой» города. Но где найти доказательства и кому можно довериться в этой истории? Скромный и застенчивый учитель становится борцом за правду. Но борцом-одиночкой. Он идет в поселок, где жили три предполагаемых преступника, которые находятся в тюрьме.

— Все видели, что они сидели дома в день убийства,— рассказывает старая женщина учителю.

— Но вы могли бы это подтвердить на суде? — спрашивает он.

— Нет, может быть, я и ошибаюсь,— говорит женщина.

И так отвечает каждый житель поселка. Велик страх перед мафией. Откроешь рот — будешь убит. Таков ее непреложный закон. Мечется Паоло в поисках доказательств. Наконец находит дневник доктора Рошио у отца убитого. В дневнике все есть. Все доказательства. Но где взять союзника в этой борьбе? Учитель обращается к вдове Рошио — Луизе. Конечно, только ей может доверить он планы своих действий — ведь она потеряла любимого мужа. Луиза подтверждает: да, она тоже подозревала, что ее кузен-адвокат замешан в убийстве. Его надо опасаться, он коварный человек.

Вдова рекомендует спрятать дневник покойного в багажном ящике на станции, а ключ все время хранить при себе. Она лишь просит учителя повременить с заявлением в полицию...

Но не знает наивный учитель, что Луиза заодно с «правлящей группой». И, найдя удобный повод, женщина отдает его в руки мафии. У избитого до беспамятства Паоло отбирают ключ от ящика, где спрятан дневник доктора, после чего его зверски убивают.

А потом следует бракосочетание адвоката Розелло со своей кузиной Луизой. На церемонию собираются все «отцы города». Циничные, уверенные в своей безнаказанности, они с усмешкой обсуждают «неожиданное» исчезновение учителя, «пытавшегося нарушить покой жителей». «Учитель был кретином», — заявляет архиепископ, давший личное разрешение на брак между Розелло и

Луизой — двоюродными братом и сестрой, что является, кстати, еще одним нарушением закона...

Таков сюжет фильма прогрессивного кинорежиссера Элио Петри «Каждому свое», поставленного по мотивам одноименного романа сицилийского писателя Леонардо Шаша. Кинолента обошла многие экраны мира, обошла с триумфом. Нет, не из-за лихо закрученного сюжета, не из-за необычных драматических ситуаций и прекрасных актеров, занятых в фильме. Он потряс всех своей социальной глубиной и документальностью. На экране предстала сегодняшняя Сицилия с безысходной нищетой простого народа и сумасшедшей роскошью сицилийских нуворишей...

До Элио Петри и после него было создано немало картин, посвященных мафии. Все они в той или иной степени отражали действительные факты. Но вряд ли можно ошибиться, сказав, что кинофильм «Каждому свое» впервые поставил все точки над «і» в отношении «загадочного сицилийского феномена», впервые со всей страстностью поднял перед общественностью страны давно уже ждущие ответа вопросы: до каких пор будет терпеть Италия это позорное пятно в своей истории — прошлой и настоящей? до каких пор против коррупции и шакальих законов мафии будут восставать обреченные одиночки, а правительство, юстиция и полиция будут, как и в фильме Элио Петри, находиться на втором плане?

Мафия... А что думают о ней итальянские социологи? Вот один из них — Гаэтано Моска. Он пишет в своем исследовании: «Сфера деятельности различных организаций сицилийской мафии настолько разнообразна, что для сведения ее к общему знаменателю потребовались бы многие страницы специальных исследований. Поэтому ограничимся самым общим определением... Итак, конечная цель мафии — это получение незаконным путем максимальной прибыли от общества с использованием таких средств и методов, которые могли бы поставить в тупик следствие и правосудие... Мафия разработала свою специфическую технологию преступлений. Она не останавливается перед самыми изощренными убийствами из-за угла, она похищает и пытается свои жертвы, если ей кажется, что это необходимо для того, чтобы спасти от провала одну из «семей» мафии, или посадить на ответствен-

ное кресло нужного человека, когда ему мешают конкуренты, или, наконец, привести в исполнение тайный приговор, вынесенный в порядке вендетты...»

При всей откровенности, с которой Гаэтано Моска раскрывает преступную сущность мафии, в его определении имеются весьма существенные пробелы. Прежде всего, мафия уже давно перестала быть «сицилийским феноменом». Она не только расползлась, наподобие раковой опухоли, по всему Апеннинскому полуострову, но и перешагнула через Атлантический океан, обосновавшись в Соединенных Штатах в виде преступного концерна, известного под именем «Коза Ностра».

Далее. Цель мафии — не только получение максимальной прибыли от общества незаконным путем. Грабежи, подпольный бизнес, убийства по заказу — все это, безусловно, есть. Но мафия переступила границы разбойного бизнеса как такового, она активно вторгается в политику, начинает играть роль одного из тайных орудий монополистического капитала, империалистических разведок и даже неофашистов, которые весьма активизировались за последнее время как в самой Италии, так и в ряде других европейских стран.

Нынешнюю мафию иногда называют «новой». Действительно, за несколько веков своего существования она претерпела значительную трансформацию, превратившись из средства борьбы против поработителей в орудие порабощения. В эпоху феодализма она стала наемным убийцей у крупных латифундистов, на заре капитализма предложила свои услуги владельцам заводов и фабрик для борьбы с первыми забастовщиками, в настоящее время она служит воротилам крупного капитала, его разведкам и политическим союзникам.

Пожалуй, нельзя не согласиться с высказыванием итальянского буржуазного еженедельника «Эуропео», который писал: «...не в отдельных сенсационных похищениях проявляется в Италии «новая» мафия, а в конкретных взаимоотношениях с политической властью. Именно в этом разрезе, и только в этом, можно говорить о «старой» и «новой» мафии. Отношения между «старой» мафией и политической властью были весьма прямолинейны. Если возникала необходимость в получении голосов для какого-либо кандидата на выборах, то мафию ис-

пользовали лишь для того, чтобы или подкупить, или запугать избирателей в каждом конкретном случае, не особенно посвящая боссов преступной организации в таинства политической игры. Сейчас положение несколько изменилось. Руководители мафии самым непосредственным образом связаны с представителями правящих кругов. Отношения эти обычно развиваются на экономической основе, но в случае надобности они приобретают и политическую окраску...

В Европе не так уж редки преступления, совершаемые с молчаливого согласия, а иногда и при участии политической власти. Вот это-то и является, с нашей точки зрения, «новой» мафией. В течение нескольких столетий мафия была признанной властью на Сицилии. Сегодня она — невидимая власть во всем западном мире».

Действительно, когда в той или иной буржуазной стране возникают кризисные явления, политики, как известно, не стесняются обращаться за поддержкой к организованной преступности. Связь между ними в острые моменты становится более тесной. Почему? Объяснить это не так уж сложно. Преступники более мобильны, нежели политики. И там, где последние не успевают, их с успехом заменяют мафиози... Но если единожды политики воспользовались услугами преступного мира, они уже не могут впоследствии без него обойтись. Вот таким образом и создается весьма оригинальная цепь связей, звенья которой и составляют то, что в Италии называют «новой» мафией.

Но прежде чем говорить о «старой» и тем более о «новой» мафии, перенесемся ненадолго на остров, где родилась эта преступная организация, на Сицилию...

«Не увидев Сицилии, невозможно понять Италию. Именно Сицилия — удивительная гармония неба, моря и земли — ключ ко всему...» Эти восторженные слова были написаны Иоганном Вольфгангом Гёте в 1787 году, когда он впервые ступил на сицилийскую землю.

Конечно, за время, прошедшее после визита великого немецкого поэта и мыслителя, тут многое переменялось. Бензиновая гарь десятков тысяч автомобилей придала желтоватый оттенок некогда лазурному небосводу над городом, на девственно чистой морской глади появились оспины мазутных пятен, а на живописных пустырях, как

грибы после дождя, выросли ультрасовременные сооружения из стекла, железа и бетона, которые выглядят среди старинных дворцов, замков и фонтанов, видимо, так же нелепо, как верблюды, затесавшиеся в стадо газелей.

Все течет и постоянно изменяется, возникает и исчезает. Это понимал еще древнегреческий философ Гераклит Эфесский, догадавшийся две с лишним тысячи лет назад об одном из основных законов диалектики. Впрочем, коренные сицилийцы считают, что характер их народа не подвластен законам диалектического развития. «Мы с острова, а вы — с материка», — утверждают они, подчеркивая свое отличие от всех прочих итальянцев. В общем-то разница есть. Сицилийцы более сдержанны, чем жители Апеннин, не раскрывают души своей первому встречному и не лезут с бокалом к незнакомому человеку; у них свои, более жесткие понятия о чести, свои, иногда весьма странные, нравы и обычаи. И еще: Сицилия, уже в течение почти трех десятилетий имеющая свое автономное правительство, никак не может перешагнуть через прилипшее к ней прилагательное — «соттозвилуппата» — слаборазвитая.

А остров богат. Здесь добывают серу, нефть, редкие руды. Земля необыкновенно плодородна. Правда, трудно с водой. Но не потому, что ее не хватает, отнюдь нет. Просто недостаточны капиталовложения для того, чтобы взять ее у природы. «Наш остров, как арбуз: кажется спелым, пока его не разрежешь, — с горечью писал итальянский общественный деятель и коренной сицилиец Данило Дольчи. — Люди живут более или менее сносно только вдоль моря и у больших дорог». Причины бедности? Они все те же, что и сто лет назад: недостаток капиталов и нежелание правящих кругов понять, что Мессинский пролив не так уж широк, чтобы продолжать считать Сицилию чем-то вроде Гавайских островов для материковой Италии...

Нет, вряд ли можно сказать, что итальянский и иностранный капиталы игнорировали Сицилию. Статистика, если ей верить, свидетельствует как раз об обратном. Но вопрос заключается не в том, сколько миллиардов лир осело на острове, а в том, куда они были инвестированы. И вот в этом-то вся суть вопроса. Как и во времена Гёте,

на острове отвратительные дороги, совершенно примитивная ирригационная система, из-за которой огромные площади плодороднейших земель лежат заброшенными,— полное равнодушие к насущнейшей необходимости проведения такой аграрной реформы, которая вытащила бы сицилийское сельское хозяйство из полуфеодалного состояния.

Но для синьоров капиталистов все это — «непроизводительная» сфера. Они предпочитают вкладывать деньги не туда, где они жизненно необходимы, а туда, где приносят наивысшую прибыль. Конечно, приятно видеть сотни новых отелей на побережье, понятно также, что юго-восточная часть острова удобней для дальнейшей индустриализации, чем другие районы. Но Сицилия — это не только привлекательный курорт и не только юго-восток. Ведь до сих пор из пяти миллионов сицилийцев имеют работу всего лишь 1,4 миллиона человек. Велика резервная армия безработных, которая, к сожалению, не сокращается. Благодатный остров, славящийся уникальными виноградниками, высокосортными зерновыми, богатыми пастбищами, не лишенный полезных ископаемых, тем не менее теряет свое население.

Покидают родину в основном крестьяне. Они тянутся на Север, который пока их принимает. Промышленности еще нужна дешевая, неквалифицированная рабочая сила. А что же будет с сельским хозяйством Сицилии? На этот вопрос мне ответил однажды человек, который сам выращивал лимоны...

Небольшой сад, террасами спускающийся с холма. Апельсиновые и лимонные деревья. Если смотреть с крыши небольшой полуразвалившейся «виллы», то спелые плоды образуют изумительный желто-оранжевый ковер с орнаментом из зеленой листвы. Их двое, хозяев плантации: Армандо Феррари и Пьетро Семинара. Первый получил хозяйство в наследство от своих предков. Второй арендует эту землю. Расходы по ее содержанию, то есть оплата рабочей силы, удобрений и так далее, несет Семинара, за исключением воды. Стоимость воды оплачивается пополам. Доходы от продажи цитрусовых тоже делятся пополам. Они стояли передо мной рядом, два хозяина: элегантно одетый Феррари, приезжающий в хозяйство, чтобы получить причитающиеся ему «пятьдесят

процентов», и оборванный Семинара, по тринадцать часов в сутки гнувший спину наравне с рабочими, которых он нанимает, чтобы обеспечить свое и их полуголодное существование.

— Эх, синьор, если бы мне можно было скинуть годов двадцать, бросил бы я эту апельсиновую каторгу и подался бы на Север, куда-нибудь на завод. Даже сборщик мусора и тот живет лучше, чем мы, «медзадри». Он знает, что в конце месяца получит хоть и маленькую, но гарантированную зарплату. А я ничего не знаю. Будет урожай — проживу, не будет — подохну с голоду. Нет, маленьким хозяйством не решить на Сицилии нашу тяжелую проблему...

На прощание они пожали мне руки, эти два хозяина. Одна рука была мягкая и холеная, другая шершавая, как рашпиль, — рука рабочего человека...

Да, беден пока богатый остров Солнца. Технический прогресс, пришедший на Сицилию, не только не уничтожил нищету, а подчеркнул еще резче ее уродливые морщины. В столичном Палермо, в Мессине, Катании, Агридженто и других городах выросли новые дома, даже небоскребы. На улицах стало тесно от автомобилей. Но городские окраины потрясают. Человеческие жилища напоминают первобытные пещеры. Рядом с ними гниют груды отбросов. Грязные, полуголые дети. Антисанитария. Болезни. Преступность.

Бурное жилищное строительство, принесшее колоссальные барыши спекулянтам, не разрешило проблемы окраин сицилийских городов. Нельзя сказать, чтобы «Касса Юга» — организация, призванная форсировать промышленное развитие отсталых районов, обошла своим вниманием Сицилию. Нет. Здесь задымили трубы металлургических и машиностроительных заводов. Выросли судостроительные верфи. Довольно быстрыми темпами развивалась пищевая промышленность. Благодаря упорной борьбе коммунистов и их политических союзников несколько улучшилось положение трудящихся. Но экономика острова зиждется пока на сельском хозяйстве. А землепользование на Сицилии остается мелким, раздробленным. Аграрная реформа только покачнула средневековую стену феодальных пережитков в сельском хозяйстве, но не разрушила ее.

Использует ли мафия, преступная организация, которая продолжает терроризировать население, социальные неурядицы? Да, использует. «Основная причина существования мафии,— утверждает сицилийский писатель Джузеппе Фава,— в беспросветной нищете, в нищете, что собирает воедино неграмотность и болезни, суеверие и ханжество, глупость и насилие. Там, где каждый совершеннолетний индивидуум имеет возможность найти более или менее прилично оплачиваемую работу, нет людей, которые согласились бы убить себе подобного за сто тысяч лир или даже за миллион. За убийство человека там потребуют десять или пятнадцать миллионов. И в данном случае речь идет не о «честности» или «чести», а об уровне цены за преступление. В Корлеоне — нищенской и неграмотной деревушке — найдутся сотни сицилийцев, которые прикончат любого, если им даже недорого заплатят за это. Если бы не было нищих, отчаявшихся и неграмотных, способных на преступление, не существовало бы и мафии. Потому что мафиозо сам по себе, Синьор Мафиозо, тот, который занимает парламентское кресло, или заключает сделки на строительство роскошных особняков, или возглавляет тайное общество контрабандистов, вот этот самый Синьор Мафиозо никого своей рукой не убивает. Он лишь указывает пальцем на того, кого надо уничтожить...

Итак, корни мафии — нищета, но ее катализатор — погоня за богатством, грязным богатством. У мафии горы денег, но ей этого мало, ей надо еще и еще. Даже когда кажется, что мафия ведет политическую борьбу, скажем за голоса избирателей, она на самом деле борется в конечном итоге за деньги: за подряды, которые депутат от мафии сможет гарантировать, за рекомендации, которые он способен дать, за секретную информацию, лицензии на строительство, государственные заказы. Настоящие мафиози — избранная «раса», защищенная сотнями «друзей», тысячами алиби, покровительством сильных мира сего, кучей денег, на которые можно купить все, начиная с «понимания» государственного чиновника и кончая беспрекословным подчинением наемного убийцы...»

Можно соглашаться или не соглашаться со страстным монологом сицилийского писателя. Нищета? Да, это одна из определяющих причин феноменальной жизнестойкости

мафии на Сицилии. Алчная погоня за золотым тельцом? Да, деньги — бог, а власть — царь этой организации. За них убивают не только посторонних синьоров, но и самих членов мафии, тех, что пошли против боссов, где-то сболтнули лишнее или хапнули больший, чем положено по чину, куш. Все это, безусловно, правильно, но не до конца. Мафия — не только «сицилийский феномен», мы уже говорили об этом. Она не только «зарабатывает» деньги. Мафия верой и правдой служит буржуазному обществу, его самым архиреакционным кругам. Острие этой террористической организации всегда направлено против трудящихся.

Мне в качестве собственного корреспондента «Известий» в Италии не раз приходилось бывать на Сицилии, бродить по улицам ее больших и малых городов, видеть лежащих на тротуарах, прикрытых полицейскими простынями людей, тех, кого настигла мафия, присутствовать на судебных процессах над мафиози и даже встречаться кое с кем из ее боссов, которые были не прочь познакомиться с советским журналистом. Но сначала о том, откуда взялась мафия.

Через туман веков

Италию часто называют страной парадоксов. Что ж, их не так уж мало на Апеннинах было в прошлом, есть они и в настоящем. Где еще вы найдете страну, на территории которой разместились бы сразу три государства: Итальянская Республика, государство Ватикан и Республика Сан-Марино? Север и Юг, вечные альпийские снега и выжженные безжалостным солнцем сицилийские пустоши? Мафию, которую считают одним из самых парадоксальных парадоксов итальянской истории? И это действительно так.

Некоторые утверждают, что мафия как организация возникла в 1282 году в Палермо, когда взявшие в руки оружие горожане сумели освободить Сицилию от французского владычества на целую сотню лет. Лозунгом составших стал клич: «Смерть французам — захватчикам и насильникам!» По первым буквам лозунга и родилось название «мафия». Ряд лингвистов придерживается иного

мнения. Слово «мафия», образовавшееся от арабских корней, несет в себе значение отрицания — «нет», «не имеется», «не существует».

Кто прав из них — трудно сказать. Во всяком случае, мафия действительно появилась на свет как тайная организация для борьбы с иноземными порабощателями, но затем, позже, переродилась в террористический клан. Ее члены пошли на услужение к богатым феодалам, стали орудием закабаления крестьян, вымогателями и профессиональными убийцами, стремившимися никогда не оставлять следов своих преступлений.

По свидетельству итальянского журналиста и историка Франческо Маркеше, впервые тайный «устав» мафии стал известен после процесса над несколькими членами этой организации в Палермо, который состоялся 14 августа 1877 года. Они-то и рассказали об «уставе» в своих свидетельских показаниях:

— Безотказно помогать друг другу в осуществлении кровавой мести за оскорбление любого члена «братства».

— Не жалеть ничего для освобождения любого «брата», попавшего в руки правосудия, используя все средства, вплоть до лжесвидетелей, подкупа полицейских и судей.

— Справедливо распределять между «братьями» по решению главы «семьи» все, что заработано и получено в виде любых ценностей законными и незаконными путями.

— Быть верными данной клятве и сохранять все секреты «семьи», помня, что любое отступление от законов «братства» будет караться неизбежной смертью в течение двадцати четырех часов.

Примерно в то же время достоянием печати стал один из текстов клятвы нового члена, вступавшего в «Онората сочиета» — «благородное общество», как сами себя уважительно именуют мафиози. Обставлялся этот прием таинственно и «торжественно». В темной комнате в присутствии избранных «братьев» организации кандидат в «рыцари лупары» *, сделав ножом надрез на своей правой руке и сжигая над свечой клочок бумаги с нарисо-

* Лупара — охотничье ружье, заряженное волчьей картечью, из которого по стародавней традиции приводятся в исполнение смертные приговоры мафии.

ванными на нем черепом и перекрещенными костями, говорил: «Клянусь своей честью быть верным «братству», так же как и «братство» будет верным мне. Как превращается в пепел это изображение и уходят безвозвратно капли моей крови, так и я обязуюсь отдать всю мою кровь «братству». Как не может пепел вновь превратиться в бумагу, так и я не смогу никогда выйти из рядов «братства»».

Проходили века, менялся мир, но бандитские законы мафии, основанные на «омерте», остаются все теми же волчьими законами и по сей день. «Омерта,— пишет Маркезе,— это месть тем, кто выдает «братьев» или подозревается в предательстве, месть, обычно равнозначная приговору к смерти. Под действие омерты подпадают и те, кто не являются членами мафии, но по тем или иным причинам оказались свидетелями ее преступлений. Они должны молчать...»

О мафии как таковой довелось услышать мне впервые из уст истинного сицилийца много лет назад, в один из самых первых приездов на остров Солнца. Оказался я тогда в Катании — крупном сицилийском порту. Воскресным утром было запланировано посещение фирмы «Микеле Спина», торгующей плодами цитрусовых — лимонами и апельсинами. Этот торговый дом интересен тем, что основатель его — Микеле Спина один из первых в трудные послевоенные годы начал коммерческие дела в Советском Союзе. Итальянские лимоны, которые продавались у нас в сорок шестом, имели маркировку «Микеле Спина». Сейчас фирмой руководит сын старика — Джузеппе. Вот с ним и должна была состояться встреча в то солнечное утро. Не только для того, чтобы поговорить о торговых делах фирмы — они в общем-то шли довольно успешно, — но и обменяться мнениями по более широким проблемам острова и конечно же поспорить о мафии. Дело в том, что один из сотрудников советского торгпредства в Италии, который первым побывал в гостях у Микеле Спина в 1946 году, рассказал однажды прелюбопытный эпизод. «Вместе со Спина, — вспоминал наш инженер, — мы поехали из Катании в столицу Сицилии — Палермо на машине. Дорога была избитая, машину бросало из стороны в сторону. Вдалеке показалась какая-то деревенька. Задумчиво молчавший Спина вдруг заговорил:

— Синьор индженере, если машину останоят люди с ружьями, не бойтесь и делайте то, что буду делать я.

— А что будете делать вы, синьор?

— А то, что прикажут эти люди: отдам бумажник, пиджак, кольцо... Меня просто не знают в этой деревне. Здесь другая мафия. Потом они все вернут. У нас на этот счет полная договоренность с их главой, который мне хорошо знаком...»

Я вспомнил об этом эпизоде из рассказа торгпредского инженера во время беседы с Джузеппе Спина. Мы оба посмеялись. А потом я спросил у него:

— Синьор Джузеппе, а как насчет мафии на Сицилии сейчас, и в частности у вас в Катании?

— Мафия? Это слово исчезло из нашего обихода. Какая мафия, дотторе! Вот раньше была мафия: благородные джентльмены, которые жили по законам справедливости и заставляли других соблюдать эти законы. А сейчас какая мафия? Просто бандюги-одиночки или же политические мошенники, которые торгуют голосами избирателей...

— Но все же, что такое мафия, как понимать это слово?

Джузеппе Спина недоуменно пожал плечами вполне, как мне показалось, искренне.

— Не знаю, дотторе, право, мне трудно что-либо вам объяснить. Мафия... Ну, в общем, мафия... Я лично предпочитаю не увлекаться этим словом.

Да, истинные сицилийцы не любят говорить о мафии. Нет, не потому, что на острове исчезла эта организация... В том, что она не исчезла, я убедился ровно через два дня, когда сам оказался в Палермо. Первые полосы утренних газет пестрели заголовками: «Новое преступление мафии», «Загадочное убийство».

А в Палермо вечером предшествующего дня произошло следующее. Солнце клонилось к закату, когда у подъезда строительной фирмы «Монкада и К⁰», заскрипев тормозами, остановились две скоростные автомашины марки «джулия-супер». Из первой машины вылезли четверо в полицейской форме, из второй — двое в штатском. Со скорострельными автоматами наперевес они, оглядываясь по сторонам, бесшумно вошли в помещение фирмы. А через несколько минут там застрекотали авто-

матные очереди: одна, вторая, третья... Потом с треском распахнулись двери. Из них, пригибаясь, выскочили пришельцы и бросились к автомобилям. Вслед за ними в дверях показался старик с ружьем. Старик, оказавшийся главой фирмы «Монкада и К⁰», прицелился и выстрелил в бегущих. Один из одетых в полицейскую форму рухнул как подкошенный. Его схватили за руки и за ноги, запихнули в багажник «джулии», и обе машины на бешеной скорости скрылись за поворотом улицы...

Когда на место происшествия прибыли настоящие полицейские, в конторе фирмы царило поистине гробовое молчание. Четверо служащих были мертвы, двое других — сыновья главы фирмы — лежали смертельно раненные. Их отец синьор Монкада явился в полицейское управление лишь на другой день, и не один, а вместе с адвокатом.

— Синьоры, я решительно не знаю, кому мог помешать. Показания? Я ничего не знаю. Кто были переодетые полицейскими? Святая мадонна свидетель — никогда их в глаза не видел.

Старик Монкада абсолютно спокоен, хотя его сыновья умирают в больнице. Только его глаза смотрят зловеще. Он все знает, но не скажет, потому что живет по законам мафии и признает лишь один суд — суд мафии. И можно не сомневаться, что выстрелы еще прозвучат и кого-нибудь из конкурентов Монкада найдут с зарядом волчьей картечи в груди. И опять свидетели будут наивно глядеть на полицейских, повторяя ставший традиционным ответ: «Мы ничего не знаем, синьоры...»

В другой раз, оказавшись в Палермо, прочитал я маленькую заметку в местной газете «Ора»:

«Филиппо Капобьянко из Сан-Коно, 53 лет; найден убитым выстрелом в лицо из лупары. Он только что вышел из тюрьмы, где отсидел 14 лет за убийство известного бандита Луиджи Кальяно. Капобьянко стал, видимо, жертвой мести друзей бандита. Ведется следствие».

Итак, очередное происшествие, обычное, ничем не удивляющее, каких приключается немало на Сицилии. Внимание местных газет привлекла в этой истории лишь одна деталь. Целых четырнадцать лет ждали убийцы Филиппо Капобьянко, когда он выйдет из тюрьмы. Ждали

терпеливо, не спуская глаз с решетчатого окна его камеры. Фатальный для Капобьянко выстрел из лупары раздался ровно через месяц после того, как он вышел на свободу. В судорожно сжатом левом кулаке убитого нашли вырезанный из листа ученической тетради кружок с нарисованным на нем черепом и скрещенными костями.

Я решил поехать в этот городок, благо он находится неподалеку от Катании. На окраине Сан-Коно и убили Филиппо Капобьянко. Преступление было совершено во время рождественских праздников. Накануне один из братьев убитого прибыл в родную деревню из Франции. Сестра — из Западной Германии. Родственники — с континента и из дальних деревень. Приехали, чтобы встретиться за семейным столом, поговорить о делах. Однако вместо праздника все они попали на поминки. Этот обычай на Сицилии отличается от нашего. Покойника хоронят тут сразу — жара торопит. А потом в течение нескольких дней поминают его.

Представьте комнату, из которой вынесена вся мебель. Посредине стоит стол. На нем портрет покойного, букеты цветов, подсвечники с мерцающими свечами. Вдоль всех четырех стен длинные деревянные скамейки. Мужчины и женщины в темном. У женщин нижняя половина лица прикрыта черными шальями. Сидят тихо. Поговорить выходят на улицу.

Вот и приехавшие с материка карабинеры вместе с представителями местной полиции и небольшой группой журналистов пытаются выяснить у вдовы, кто мог быть убийцей ее мужа. У женщины ничего не выражающее лицо. Отвечает односложно.

— Кто убийца? Не знаю... Завистник, должно быть.

— Чему он завидовал?

— Завидовал, что муж спокойно работал на своей земле, только что купил трактор, сеялку...

— Здесь много говорят о вендетте мафии.

Женщина пугается. Начинает говорить громко, возбужденно:

— Какая вендетта, какая мафия! Ничего не знаю! Кто мог мстить? Он был спокойный человек, никому не причинял зла и занимался только своим делом...

Сестра убитого, пытаясь выручить свою невестку, вмешивается в разговор.

— С того дня, как Филиппо вернулся домой, он работал как вол на свою семью, не зная ни сна, ни отдыха. Мы все честные и работающие люди... Чего они хотели от него? Это мы тоже желали бы знать!

Брат убитого, тот, что приехал на рождество из Франции, тоже ничего не знает о мафии.

— Люди говорят, что ваш брат имел кое-какие счета с мафиози?

— Мало ли что говорят! Брат был честным человеком. Всю жизнь знал только свою работу и пользовался уважением односельчан. А какой характер! Мягкий, как свежеспеченный хлеб...

Сержант местной полиции Троне безнадежно разводит руками:

— Не говорят и не хотят ничего говорить. Попробуйте вытянуть из них что-нибудь! Вы говорите — мафия? О ней здесь никто ничего не знает или делает вид, что не знает. Вчера на похоронах была огромная толпа. А через час многие из тех, кто присутствовал на траурной церемонии, уже заявляли, что они не знают, кого хоронили. Поняли? Это в городке, где три десятка тысяч жителей и всем все друг о друге известно...

Лонигро, сержант карабинеров, давно занимается ловлей бандитов в этом районе.

— Больше всего убийств,— рассказывает он,— произошло здесь в пятидесятых годах. Тогда ликвидировали и Луиджи Кальяно, знаменитого бандита. Это был маленький, неприметный и очень ловкий человек. Два или три раза ускользал из наших рук, ну прямо как угорь. Говорили, что он являлся киллером * мафии. А потом наконец убили и его. Кажется, исполнителем смертного приговора этому бандиту и был убитый нынче Капобьянко.

— Кажется?

— А кто скажет определеннее? Во время допросов и судебного процесса над Капобьянко он не признался в совершенном им преступлении. Все отрицал. Но были обнаружены следы крови около одного из амбаров, принадлежавших Капобьянко, да и труп бандита Кальяно валялся тоже недалеко от этого места. Эти улики судьи сочли достаточными для вынесения приговора.

* «Киллер» — наемный убийца.

— А вы лично уверены, что именно Капобьянко убил Кальяно?

— Мне трудно утверждать что-либо. Капобьянко, конечно, не был святым. В свое время у него были нелады с правосудием... Возможно, что он являлся членом одной из «семей» мафии. А там у них свои законы. Спрашиваете, существует ли еще здесь мафия? С уверенностью могу сказать лишь одно: местные жители придерживаются ее законов и ведут себя как мафиози.

Мэр Сан-Коно говорит:

— В нашем городе мафии вообще не существует. Горожане думают только о своей работе. Это просто разговор против Сан-Коно. Никакой мафии здесь нет!

Итак, полный сумбур. Действительно, попробуйте разобраться и установить истину, когда одни свидетели лишь предполагают, другие ничего не знают, а третьи все отрицают!

В свое время на процессе Капобьянко его защитником был адвокат Джованни Албанезе. Уже после убийства Капобьянко журналисты разыскали адвоката и спросили, что он думает обо всей этой истории с его бывшим подзащитным.

— Юридически Капобьянко невиновен, хотя я и не исключаю того, что убийство бандита Кальяно совершено им. Если бы он признался в убийстве, то получил бы свободу и «талю» — денежную премию, которая была обещана карабинерами любому, кто доставит опасного бандита живым или мертвым. Но нужно знать мафию! Ни один из ее представителей никогда ни в чем не признается. Таково правило. Кто его нарушает, тот теряет честь, становится в глазах других недостойным человеком и сам себе подписывает смертный приговор.

— Следовательно, Капобьянко был связан с мафией?

— Возможно, хотя протоколами допросов это не подтверждается. Вполне вероятно, что мой покойный подзащитный был киллером одной из «семей» мафии, которая была заинтересована в исчезновении бандита Кальяно, представлявшего интересы другой «семьи». А последняя, в свою очередь, в порядке вендетты убила Капобьянко. Кто знает? Мафия не оставляет следов...

Она всегда на всем протяжении своей многовековой истории стремилась к тому, чтобы не оставлять следов.

Невидимые «рыцари лупары» убивали, грабили, поджигали, шантажировали в полной и абсолютной тайне. Полиция находила трупы с зарядом волчьей картечи, составляла акты об исчезновении немалых сумм в каких-либо акционерных обществах, вместе с пожарными констатировала, что сгоревший дом запылал не сам по себе, и... только. Следы, оставляемые преступниками, как правило, никуда не приводили. Мафиози проскальзывали через полицейские сети наподобие призраков.

Мафия — призрак? На первый взгляд да. Но только на первый взгляд. Она реальна и многолика. Существуют десятки и сотни мафий, так же как десятки и сотни способов быть мафиози. Есть мафии локальные, ограничивающие свою деятельность городом или районом большого города. Имеются мафии, «работающие» в профессиональном разрезе: «сельскохозяйственные», «строительные», «водоснабженческие», «земельные» и так далее.

Что такое мафиозо? Ни один итальянский криминалист, социолог или полицейский не сможет дать исчерпывающего определения этому персонажу. Попытка кинематографистов вывести обобщенный тип бандита в виде такого зловещего сицилийца с усами, в кепке с длинным козырьком и с лупарой за плечами так же далека от действительности, как небо от земли.

Мафиозо многолик. Деклассированный бродяга и наследный князь, неграмотный землелашец и модный адвокат, пастух и рафинированный аристократ. Они будут стоять на разных ступеньках иерархической лестницы «Онората сочиета» и выполнять разные ее поручения. Но все они — мафиози. Иногда на один день, иногда на всю жизнь. Мафия не только организация, но и уклад жизни, порожденный капитализмом, который использует ее в своих экономических и политических целях.

«Рыцари лупары»

Сначала к нему подходили незнакомые люди и с угрозой говорили: «Кончай издавать свой журнал!» Он не реагировал. Потом стали приходить анонимные письма. В них все было предельно откровенно: «Кончай свою затею, а то убьем!» Он не реагировал. Наконец хозяин

фирмы, где он работал заведующим отделом рекламы, уволил его без всяких объяснений. После этого наступило молчание: ни предупреждений, ни писем. Знакомые перестали здороваться. Вокруг него образовался какой-то странный вакуум. Козимо Кристина понял, что это конец. Мафия вынесла ему смертный приговор...

Через несколько дней изуродованное тело нашли рядом с железнодорожным полотном. Мнение следователей было столь же поспешным, сколь и категоричным: «Самоубийство!» «Нет, это не самоубийство,— по секрету говорили друг другу местные жители,— Козимо убили мафиози, потому что он их не послушался...»

Козимо Кристина, журналист, корреспондент прогрессивной палермской газеты «Ора», решил создать в своем родном городке Каккамо журнал, который назвал «Пропеттиве сичилиане» — «Сицилийские перспективы». Он стал не только директором, но и редактором, автором и распространителем своего небольшого издания. Ради того, чтобы заработать на него деньги, Кристина пошел работать в фирму. Маленький журнал быстро завоевал большую популярность, потому что поднимал актуальные проблемы — призывал к борьбе с всесилием боссов мафии, которые буквально узурпировали власть не только в Каккамо, но и в окрестных городах: Трабии, Шпаре, Термини. Прогрессивный журналист смело вскрывал закулисные махинации мафии, ее грязную политическую игру на выборах, спекуляции, беззастенчивый грабеж крестьян.

Посыпались угрозы, подметные письма и, наконец, увольнение с фирмы. Когда следователь спросил у хозяина, почему он уволил Козимо Кристина, тот якобы ответил: «...когда акулы щелкают зубами, сардинкам лучше спрятаться». Сардинками, видимо, считали себя и следователи. Было совершенно очевидным, что киллеры мафии тяжело ранили журналиста, а затем, чтобы симулировать самоубийство, бросили его под поезд. Но «самоубийство» устраивало всех: и боссов мафии, и следствие. Козимо Кристина быстро похоронили, а дело о его гибели сдали в архив.

Там оно пролежало около шести лет, пока до него не добрался комиссар Мангано, один из полицейских чинов, которым было поручено расследование ряда дел о пре-

ступлениях мафии в Восточной Сицилии. Мангано вновь поднял дело Козимо Кристина, провел дополнительную экспертизу и вполне логично доказал, что среди 28 мафиозных преступников, которых он предлагал посадить на скамью подсудимых, находятся убийцы не только Козимо Кристина, но и профсоюзных деятелей Нунцио Пассафьюме, застреленного в Трабии, и Сальваторе Карневале, зверски убитого в Шпаре.

Его убили из засады в ночь с 16 на 17 мая 1955 года. А за день до этого Сальваторе Карневале побывал на приеме у адвоката Николо Марсала, управляющего имениями княгини Нотарбартоло ди Шпара. В те дни шла острейшая борьба крестьян за занятие пустующих земель, принадлежавших княгине. Товарищ Карневале, руководитель местной организации Всеобщей итальянской конфедерации труда, был одним из вдохновителей этой борьбы, всколыхнувшей сицилийское захолустье. Никто не знает, о чем разговаривали Сальваторе Карневале и адвокат Марсала, хотя было известно, что адвокат предложит Сальваторе прекратить борьбу. Профсоюзный руководитель отказался стать предателем...

Потом было много судебных разбирательств. Менялись следователи, прокуроры, судьи. Оставались одними и теми же лишь подсудимые: те, кто заправлял местной мафией, и те, кто исполнял ее приговоры. Все эти люди сидели в неаполитанском трибунале: респектабельные синьоры с чисто выбритыми щеками, в модных, с иглочки, костюмах. Но поражала не эта показная добропорядочность, а совершенно твердая уверенность мафиози в своей безнаказанности, в том, что им протянут руку помощи, выручат, вытащат из беды. И когда кассационный суд отменил решение суда первой инстанции, приговорившего всех подсудимых к пожизненной каторге, и оправдал их (мало, видите ли, улики), бандиты не могли скрыть своего торжества.

Нечто подобное произошло в калабрийском городке Катандзаро в октябре 1967 года, где мне довелось присутствовать на «процессе века» над членами мафии. После поисков, расследований и арестов, проведенных полицией и карабинерами, в их руки попало 116 бандитов крупного, среднего и мелкого калибра. Перед судом в Катандзаро предстали 108 человек, ибо некоторые из

гангстеров успели умереть во время затянувшегося следствия, а другие были оправданы «за неимением улик».

Подсудимым предъявили обвинение и в уголовных и в политических преступлениях. Городок, расположенный на юге материка, предпочли столице острова не случайно. Представителей Фемиды хотели оградить от «возможного давления». Для того чтобы разместить в зале суда всех «синьоров» в наручниках, пришлось занять здание новой школы. А чтобы отделить обвиняемых от судей, адвокатов, журналистов и немногочисленной публики, из легких металлических труб соорудили клетку площадью 48 квадратных метров.

Следствие вел прокурор Чезаре Терранова — один из немногих последовательных борцов против мафии, избранный членом парламента от Итальянской коммунистической партии на выборах 1972 года. Обвинительный материал, который был им собран, насчитывал многие сотни страниц. Тридцать с лишним убийств, торговля наркотиками, взрывы, применение пыток, незаконное хранение и ношение оружия, грабеж, изготовление фальшивых документов, кражи, шантаж, покупка голосов избирателей, махинации с результатами голосования во время выборов — таков был перечень преступлений, совершенных людьми, посаженными в клетку. Но в руках прокурора Терранова и председателя суда находился только этот перечень и... ни одного свидетеля обвинения! А подсудимые и их адвокаты отрицали абсолютно все. Так же вели себя два крупнейших босса мафии Анджело Ла Барбера и Пьетро Торретта. Они сидели в противоположных углах клетки.

Первый, сорокатрехлетний гангстер, обвинялся в организации шестнадцати убийств, одном покушении на убийство, в устройстве побоищ, взрывах, поджогах и целой серии других преступлений. На вопросы судьи неизменно отвечал: «Дотторе, я ни в чем не повинен. Никак не могу взять в толк, почему меня здесь держат...»

Пьетро Торретта далеко за пятьдесят. На вид это — немного старомодный, но, безусловно, элегантный синьор. Он обвинялся в организации четырнадцати убийств и подготовке террористического акта, в результате которого погибли семь карабинеров. Представителей обвинения он просто-таки покорял наивно-детской улыбкой:

«Я же не совершил никаких предосудительных поступков, синьоры, поверьте мне».

Но присутствующие на суде великолепно помнили разгоревшуюся в шестидесятых годах на улицах Палермо бойню между враждующими кланами братьев Ла Барбера, братьев Греко и Торретта, которая вошла в историю сицилийской мафии как наиболее яркий пример внутренней, межклановой борьбы между мафиозными боссами за власть и деньги. Ведь между владыками капиталистического мира — будь то владельцы монополий или хозяева мафии — идет постоянная конкурентная борьба не на жизнь, а на смерть.

Баталия началась из-за заказов на строительство, из-за партий контрабандных наркотиков, из-за «сфер влияния» на рынке цитрусовых — словом, из-за всего, что сулило крупные барыши, которые никак не могли поделить между собой боссы концерна преступников.

Итак, Палермо. Сказать, что летом в сицилийской столице жарко, — значит ничего не сказать. Улицы города в полуденные часы «соле ди леоне» — львиного солнца напоминают пустыню не только жарой, но и отсутствием пешеходов. Наглухо закрыты ставни домов, шины оставляют на расплавленном асфальте глубокие рубчатые следы. Только к вечеру распахиваются окна, раскрываются двери балконов, и люди с нетерпением ожидают спасительного ветерка с моря, приносящего долгожданную прохладу. Именно в один из таких вечеров в фешенебельном особняке на улице Ло Монако Чиаччио, принадлежащем Дону Пьетро Торретта, раздались выстрелы. Пять, десять, двенадцать....

Выстрелы следовали один за другим, как в хорошем ковбойском кинофильме. Затем на втором этаже дома с треском распахнулись ставни, и на подоконнике появилась фигура человека, который, недолго думая, бросился вниз. Вслед за этим из окна показалась рука с пистолетом, пославшая несколько пуль вслед выпрыгнувшему. Из стоящей неподалеку «джульетты» — автомашины, которую особенно ценят любители езды «с ветерком», выскочили двое. Они подняли упавшее тело, бросили его на заднее сиденье «джульетты» и на бешеной скорости скрылись за углом улицы. Из особняка выбежали трое вооруженных людей, и среди них Дон Торретта. Но, кро-

ме лужицы крови на тротуаре под окнами особняка, не осталось ничего...

Вскоре появились полицейские. Они прошли в особняк Торретта. В просторном зале, обставленном старинной мебелью, лежал еще не остывший труп элегантно одетого человека. Полицейским не составило большого труда опознать его. Пьетро Гарофало, самый меткий стрелок Палермо, давно находился на учете в полиции как один из киллеров мафии. А тот, что выпрыгнул из окна особняка, умер через два дня в больнице, куда его доставила бесследно исчезнувшая затем «джульетта». Им оказался Анджело Конильяро, тоже киллер.

Полицейские много раз допрашивали Торретта. Но все протоколы допросов походили один на другой как две капли воды.

— Торретта, что произошло у вас дома?

— Не знаю, дотторе. Пришли эти двое и ни с того ни с сего начали вдруг стрелять. Я их совершенно не знаю, дотторе, поверьте мне. И вообще вся эта история мне непонятна...

А двумя месяцами раньше за две с лишним тысячи километров от Палермо, в промышленной столице Италии — городе Милане на улице Реджина разыгралась еще одна странная сцена. Процветающий делец из Сицилии коммендаторе (так называют здесь всех богатых людей) Анджело Ла Барбера, окончив деловой визит, вышел из коммерческой конторы и направился к своей машине, что стояла неподалеку. В этот момент от стены противоположного дома отделились трое. Они выхватили пистолеты и начали стрелять в коммендаторе. Шатаясь от ран, Ла Барбера успел открыть дверцу своего «мерседеса» и вытащил спрятанный там «вальтер». Двенадцать пуль извлекли из Ла Барбера в больнице. Но он выжил. Его последующий диалог с комиссаром полиции, как и в случае с Торретта, тоже не изобиловал подробностями.

— Коммендаторе, как вы объясняете эту перестрелку?

— Откуда мне знать, дотторе... Видимо, меня приняли за кого-то другого.

— Может быть, это вендетта?

— Какая вендетта! У меня нет врагов. И вообще я ничего не знаю...

Но Дон Торретта и коммендаторе Ла Барбера все отлично знали. Бывшие коллеги, ставшие злейшими врагами, они охотились друг за другом. И хотя выстрелы прозвучали с разрывом в пару месяцев в разных концах Италии, основными дуэлянтами были эти двое. Правда, их дуэль закончилась довольно оригинально. И Торретта и Ла Барбера оказались в одной клетке.

Почему Торретта и Ла Барбера стали смертельными врагами? Чтобы понять это, нам нужно вернуться в Палермо пятидесятых годов. В те «исторические» времена он был негласно разделен на две сферы влияния мафии. Во главе «восточной» стояли бандиты братья Греко, «центральной» руководил Розарио Манчино, известный под кличкой «инженер». Между обеими организациями вначале царил мир и согласие. Обе банды занимались спекуляциями на жилищном строительстве, контрабандной торговлей табаком и наркотиками.

Но вот в сицилийскую столицу приехали из Соединенных Штатов братья Ла Барбера — Сальваторе и Анджело. Крупные неприятности с американской полицией заставили их вернуться в Палермо, чтобы продолжать работу «по специальности». Ла Барбера собрали вокруг себя «безработных» бандитов, в основном из молодежи, и создали новую, «западную» мафию. На первых порах братья-разбойники заключили «картельное» соглашение со «стариками», то есть с представителями «восточной» и «центральной» мафий. Но их не устраивали «провинциальные» методы работы «стариков». Им были нужны размах, много денег и абсолютная власть.

Ла Барбера решили заняться строительным бизнесом. Но у них не было транспорта. Через некоторое время на одной из улиц Палермо нашли убитым владельца крупной транспортной фирмы Эудженио Риччарди. А спустя неделю после похорон Риччарди его вдова продала за один миллион лир — смехотворно малую сумму — все грузовики мужа Анджело Ла Барбера.

Братья стали друзьями тогдашнего мэра Палермо христианского демократа Лимы, добились поддержки со стороны влиятельного депутата парламента, тоже христианского демократа Джойя. Дружба не бескорыстна. Демохристианские деятели получают голоса избирателей, Ла Барбера достаются крупные заказы на строительство.

Фирма братьев начинает процветать. Вот тут-то и появляется на горизонте Пьетро Торретта: убитый Риччарди — его давний приятель. Однако Торретта молчит, ибо он вступил в долю с братьями Ла Барбера, стал их партнером.

А братьям нейдет. Строительство строительством, но еще большие прибыли приносит подпольная торговля героином, гашишем и другими зельями! Между тем наркотики — бизнес братьев Греко и Розарио Манчино, их многолетняя «монополия». И вот Ла Барбера сперва убивают подручных братьев Греко по контрабанде героина, а затем на воздух взлетает небольшая фабрика, принадлежащая родственнику семейства Греко.

Терпение братьев Греко лопается. Они решают расплатиться с Ла Барбера. Автоматная очередь обрывает жизнь Сальваторе. Его брат Анджело бежит из Палермо в Милан, но через несколько дней возвращается обратно. Обуянный жаждой вендетты, он не может успокоиться. Около дома братьев Греко останавливается легковая машина. Из нее выходит человек и скрывается за углом улицы. Через несколько минут оглушительный взрыв наполовину разрушает дом: автомашина была начинена толуолом. Далее начинается что-то невообразимое: бесчисленные автомобильные преследования, стрельба, взрывы, поджоги и трупы, трупы... Киллеры обеих банд работают с «полной нагрузкой» — убивают друзей своих противников, знакомых друзей и друзей этих знакомых.

Но братья Греко оказываются сильнее. Кольцо вокруг Анджело Ла Барбера все более сжимается, и он опять бежит в Милан. Недавний компаньон Ла Барбера Пьетро Торретта считает, что пробил его час. Он берет на себя руководство «западной» мафией и решает навсегда убрать своего основного конкурента — Анджело Ла Барбера. Одновременно он хочет дать почувствовать братьям Греко, что под его верховенством «западная» мафия продолжает существовать и бороться. В Милане киллеры Торретта стреляют в Ла Барбера, а в Палермо возле дома ближайшего друга братьев Греко взлетела на воздух еще одна автомашина, начиненная взрывчаткой. Кто-то из семерых карабинеров во главе с лейтенантом Малауза, которых вызвали для осмотра «подозрительной» машины, неосторожно дернул за тоненький проводок, тор-

чавший из баллона «джульетты», и все погибли. Нелишне заметить, что именно лейтенант Малауза составил за месяц до этого трагического случая подробный доклад о преступной деятельности Торретта, братьев Греко и Анджело Ла Барбера.

Все, о чем здесь рассказано, лишь часть преступлений тех 108 человек, которые сидели за решеткой импровизированной клетки на процессе в городке Катандзаро. Среди прочих мафиози находилось помимо Ла Барбера и Торретта еще много прелюбопытных персонажей.

Вот, например, Джусто Бонанно. Несмотря на свой шестидесятилетний возраст, Бонанно был одним из самых активных киллеров провинции Палермо. На его счету более двадцати убийств, грабежи и соучастие в других преступлениях. До процесса в Катандзаро синьора Бонанно уже судили и приговорили к пожизненной каторге. Однако затем выпустили на свободу за «недостатком улик». Или вот Винченцо Рими, один из главарей «провинциальной» мафии. Он давно знаком полиции. В его личном деле еще в 1930 году была сделана такая запись: «Рими — насильник, не подающий признаков исправления... Он убийца и грабитель в силу прирожденной склонности».

Читатель вправе спросить: чем же кончился «процесс века»? Ничем. Многих освободили из-под стражи за «недостатком улик», рассмотрение части дел перенесли на более поздний срок в связи с необходимостью «дополнительного выяснения фактов», некоторые обвиняемые отделались незначительными сроками лишения свободы. Анджело Ла Барбера предпочел остаться в тюрьме, потому что вышел из нее Пьетро Торретта. У них старые счета, а тюремные стены иногда спасают от киллеров.

Железная клетка в Катандзаро оказалась без запора не только для этих преступников, но и для других боссов мафии, чьи имена и фамилии неизменно появляются во время шумных судебных процессов, появляются, правда, для того, чтобы в большинстве случаев исчезнуть из судебной хроники опять же за «недостатком улик». Мариано Ликари, Сальваторе Циццо (представители «старой» мафии) и более «молодое» поколение боссов — Ла Барбера, братья Греко, Томмазо Бускетта, Лючано Леджио... Кто не знает этих людей на Сицилии! Да и не только на Сицилии!

...В начале октября 1970 года полицией был арестован чиновник областной джунты провинции Лацио Натале Рими. Он обвинялся в причастности к делам сицилийской мафии, протянувшей щупальца к административным органам одной из центральных провинций страны (в Лацио находится, в частности, и Рим), где шла спекуляция земельными участками, назначались за крупные взятки на «теплые» места «свои» судьи.

А в конце октября того же года в обширном поместье под Римом был взят карабинерами один из крупных боссов мафии — Франк Коппола, или Дон Чиччио, как называли его близкие друзья. Свои «университеты» он прошел в США, куда эмигрировал в 1926 году. Сначала — тайная торговля спиртным в условиях «сухого закона», затем более прибыльное дело — сбыт наркотиков. «Три пальца» (такова была кличка Коппола в «Коза Ностра») быстро занял в американской мафии солидное положение. Вокруг него собралась теплая «семья» мошенников и наемных убийц. Когда какой-либо из конкурентов начинал слишком досаждать Коппола, он шевелил одним из своих «трех пальцев», и американская полиция, как правило, прекращала дело об очередном преступлении за «недостатком улики». И все же Дон Чиччио где-то «наследил», во всяком случае в 1948 году эмиграционные власти Соединенных Штатов Америки выставили его из страны как «опасного преступника и киллера, одного из организаторов тайной международной торговли наркотиками».

Вернувшись в Италию, Дон Чиччио решил не связывать свою дальнейшую жизнь с Сицилией. Он купил обширное поместье под Римом и стал заниматься политикой. Не без его помощи, как писала газета «Паэзе сера», занял пост министра внешней торговли ныне покойный сицилиец Матарелла, был переведен в областную джунту провинции Лацио уже упоминавшийся нами Натале Рими...

Однако политика не только приносила деньги, но и заставляла их тратить. И вот в марте 1952 года с чемоданом героина задерживается некий Сарафино Манкузо. «Груз», шедший с востока, предназначался для Коппола. Полиция арестовала Дона Чиччио, но его связи в административных верхах страны еще были сильны. «Три пальца» вскоре оказался на свободе.

Время шло, люди «в верхах» менялись. Шеф специальной службы ФБР Деннис Диллон заявил в интервью, что более тысячи сицилийцев тайно прибыли в США с фальшивыми паспортами. Мафия перебрасывала в Соединенные Штаты и Канаду не только людей, но и товары, контрабандные, разумеется. И к тем, и к другим имел отношение Дон Чиччио. Короче говоря, Коппола вновь посадили в палермскую тюрьму «Уччардоне». Обвинение предъявило ему длинный список всяких дел: участие в убийствах и вымогательствах, шантаж, тайная торговля наркотиками.

Газеты писали, что, входя в тюремную камеру, Дон Чиччио бросил такую фразу: «Люди приходят, уходят и меняются. «Онората сочиета» остается». А через некоторое время бывший главарь американской мафии вновь оказался на свободе. Палермский судья Филиппо Нери дал санкцию на предварительное освобождение преступника, которому предписано проживание в отдаленной деревне на Севере Италии в ожидании судебного процесса...

Ранним утром 22 декабря 1971 года по автостраде Неаполь — Помпеи — Салерно промчалось несколько полицейских машин. Через некоторое время сорок карабинеров с автоматами наперевес незаметно окружили небольшой домик в окрестностях Везувия. За столом там сидело шестеро. Когда в дверях неожиданно появился полицейский инспектор с двумя вооруженными полицейскими по бокам, один из шестерых вскочил из-за стола и бросился к окну. Оттуда глянуло на него дуло автомата. Человек понял, что попал в ловушку, и поднял руки. Инспектор подошел к нему и сорвал с головы парик. Так был задержан один из руководителей «новой» мафии Джерландо Альберти. Он являлся не только боссом, но и киллером мафии. На его счету — несколько тяжких преступлений, в том числе и убийств.

На рассвете того же дня в Милане два десятка передетых в штатские полицейских окружили один из домов на улице Риччиарелли. В одной из квартир был взят прямо с постели сицилийский мафиозо Гаспаре Мионе, уже судившийся ранее за шантаж и вымогательства и разыскивавшийся полицией за соучастие в убийстве, а также в краже сына одного из крупных палермских промышленников Антонио Карузо, за которого Мионе вмес-

те со своими сицилийскими коллегами по мафии получил в качестве выкупа 200 миллионов лир. А через несколько недель в Реджо-ди-Калабрии была арестована целиком мафиозная семья из восьми человек, которая установила в городе режим террора и насилий. Криминальная «восьмерка» путем угроз принудила значительную часть жителей голосовать на последних парламентских выборах за кандидата от христианско-демократической партии барона Неши, тесно связанного с местной мафией.

И наконец, в мае 1974 года полиция арестовала в Милане человека, который предъявил документы на имя Антонио Ферруджа. Но полицейским, уже давно охотившимся за одним из главарей сицилийской мафии Лючано Леджио по кличке «Красная примула», не нужен был фальшивый паспорт. Они с неизменной итальянской галантностью отдали его на память жене арестованного, которая с удивлением узнала, что прожила несколько лет и родила сына от одного из самых кровавых мафиозных бандитов. На «личном счету» у Лючано по меньшей мере пятьдесят убийств.

Итальянские газеты, поместившие сенсационное сообщение об аресте «Красной примулы», задавали в те дни один и тот же недоуменный вопрос о том, как мог опаснейший преступник в течение почти двадцатилетнего периода свободно разъезжать по стране, участвовать в «политической жизни» своего «родного» городка Корлеоне, заставляя жителей выбирать угодных ему депутатов от христианско-демократической партии, постепенно сколачивать состояние, приобретать недвижимость на имя своей родной сестры? Действительно, как это удавалось Леджио? Чтобы ответить на данный вопрос, придется поближе познакомиться с биографией и преступной деятельностью самого опасного бандита из «новой» мафии.

Итак, Лючано Леджио. Родился в 1925 году. Социальное положение — из крестьян. Образование — никакого. Судимостей — много. Приговорен заочно к пожизненной каторге... Первую судимость Леджио имел в 19 лет, когда, будучи пастухом, попался в краже скота. Отсидев год в тюрьме, он решил трудоустроиться в качестве управляющего помещьем, принадлежавшим круп-

ному феодалу Коррадо Карузо. Место управляющего очень ценится на Сицилии, ибо дает возможность безнаказанно обирать крестьян-арендаторов. То обстоятельство, что место это было уже занято, не смутило Леджио. Он пришел наниматься к Карузо на другой день после того, как прежнего управляющего Станислао Пунцо нашли убитым в придорожной канаве.

Став в двадцать лет управляющим поместьем, Леджио сколотил вокруг себя банду киллеров и начал буквально терроризировать население Корлеоне. Резко пошла вверх кривая ограблений и убийств. От пуль бандитов погиб в марте 1948 года председатель местной палаты труда коммунист Плачидо Риццотто. Он вел непримиримую борьбу против землевладельцев и мафии, во главе которой стояли в то время директор корлеонской больницы Микеле Новарра и его правая рука Лючано Леджио, или «Красная примула».

Товарищ Риццотто был убит в одном из пригородов Корлеоне. Случайным свидетелем преступления оказался тринадцатилетний пастушонок Джузеппе Летиция. Потрясенный увиденным, он прибежал домой и в горячем бреду раскрыл тайну зверской расправы над человеком своим родителям. Отец Джузеппе повез сына в больницу и рассказал о причине его заболевания доктору Новарра. А через два часа Джузеппе умер. Вскрытие показало, что мальчонке кто-то ввел сильнодействующий яд в вену. Кто-то... Хотя всем ясно, что сделал это доктор Новарра, которому нужно было спасти «Красную примулу» — убийцу Риццотто.

Впрочем, дружба между Новарра и Леджио несколько позже начала остывать. «Красная примула» стал тяготиться чрезмерной властью своего босса и покровителя. К тому времени бывший пастух неслыханно обогатился на спекуляции краденым скотом. Он решил расширить сферу своей деятельности. Но на пути встал Новарра. Первая схватка между боссами началась из-за строительства плотины на реке Беличе, которая должна была дать воду окрестным плантациям цитрусовых. Леджио был заинтересован в строительстве плотины, ибо он — владелец огромного парка грузовых машин и надеялся заработать на перевозках стройматериалов. Новарра же был против. В его руках находилось распределение воды

в этом районе, где она ценится на вес золота и где мафия за каждый литр дерет с крестьян втридорога. Леджио выставил на выборах кандидата либеральной партии, который в случае успеха обещал «Красной примуле» принять решение о строительстве плотины. Но в Корлеоне победил демохристианин — человек доктора Новарра.

Однако Леджио отнюдь не собирался складывать оружие. И вот в один из августовских дней 1958 года, когда Новарра ехал из Палермо в Корлеоне, на его пути оказался грузовик. Как только Новарра притормозил свою автомашину, из грузовика раздалась автоматная очередь. А через некоторое время середь бела дня на центральной улице Корлеоне неизвестные перебили всех друзей Новарра, его телохранителей. После этого Леджио стал неограниченным повелителем в Корлеоне.

Однажды «Красной примуле» не повезло. Дело в том, что бандит в связи с тяжелой болезнью — туберкулезом костей — был вынужден время от времени ложиться в больницу. Там его и схватили полицейские. Газеты писали, что острый приступ болезни помешал Леджио протянуть руку к лежащему на тумбочке пистолету. Когда в палату ворвались полицейские, он крикнул: «Не стреляйте, перед вами беспомощный калека!» Но, отлежавшись, Леджио бесследно исчез из римской клиники, хотя его охраняли полицейские...

«Каковы же подлинные причины этой поистине необычной неуловимости «Красной примулы» из Корлеоне, — писал еженедельник «Эспрессо», — который сумел не только подлечиться в одной из лучших клиник Рима, но и затем спокойно и беспрепятственно бежать в неизвестном направлении? Согласно показаниям, заслуживающим доверия, именно Леджио убил известного бандита Сальваторе Джулиано. Устранение последнего было выгодно некоторым влиятельным политическим деятелям того периода, ибо оно обеспечило молчание о действительных вдохновителях расправы с батраками — социалистами и коммунистами, учиненной бандой Джулиано в мае 1947 года в Портелла делла Джинестра на Сицилии. Эти вдохновители, хотя некоторые имена произносились шепотом (в частности, имя бывшего тогда министром внутренних дел Марио Шельба и имя покойного министра — христианского демократа Бернардо Маттарел-

ла), не были ни разоблачены, ни осуждены. Почему Леджио, несмотря на все его преступления, все же бежал из клиники? Говорят, именно потому, что он знал слишком много секретов».

Сейчас Леджио содержится в миланской тюрьме после своего недавнего ареста, о котором мы писали выше. Заговорит ли ныне «Красная примула»? Никто пока не может дать определенного ответа на этот вопрос. Почему? Да потому, что очень много знает Лючано Леджио. Он убивал не только своих конкурентов и не только по собственному выбору, но и по заказу: таинственное исчезновение прогрессивного журналиста Мауро Де Мауро и убийство генерального прокурора Палермо Пьетро Скальоне, как сейчас утверждают на Апеннинах, тоже ведь не обошлись без участия Леджио. А имена этих двух жертв связаны с попыткой раскрытия крупнейшего политического преступления в Италии — гибели президента государственного нефтеметанового общества «ЭНИ» Энрико Маттеи.

Общий знаменатель трех неизвестных

Каменный Леонардо да Винчи угрюмо взирает с высоты своего пьедестала на проносящиеся подобно шмелиному рою вереницы автомашин. Одни из них устремляются налево, к международным линиям аэропорта Фьюмичино, другие — направо, к внутренним... «Если бы Леонардо ожил хотя бы на минуту, — язвят острые на язык римляне, — он наверняка сгорел бы со стыда от того, что люди назвали его именем этот нелепый аэродром». О вкусах не спорят. Но можно понять пристрастность жителей Вечного города. Их память еще хранит скандальную историю, связанную со строительством аэропорта имени Леонардо да Винчи, которую газетчики, видимо, недаром окрестили в свое время «аферой века». Не в меру лихие подрядчики не только многократно завысили смету предварительных расходов, но и ввели настолько жесткий режим экономии стройматериалов, что на Фьюмичино и по сей день что-нибудь, но обязательно ремонтируют. Ходили слухи, что в создании «зо-

лотога» аэродрома активное участие принимали через подставных лиц некоторые крупные боссы сицилийской мафии. Правда, говорили об этом шепотом, но довольно настойчиво. Отсюда улетел в свой последний рейс на Сицилию самолет президента «ЭНИ» Энрико Маттеи. В том, что он не возвратился в Вечный город, тоже была замешана сицилийская мафия. И об этом говорили, кстати, во всеуслышание.

Имя прогрессивного итальянского кинорежиссера Франческо Рози широко известно как на Апеннинах, так и за рубежом. Его киноленты отличают не только высокая художественность и политическая заостренность, но и поразительная для избранного им жанра документальность, стремление не только рассказать о событии, но и раскрыть его. Правда, в тот раз, несколько лет назад, после просмотра в узком кругу премьеры фильма «Энрико Маттеи» Рози на мой вопрос о причинах трагической гибели президента общества «ЭНИ» лишь безнадежно пожал плечами.

— Я хотел еще раз привлечь внимание общественного мнения к обстоятельствам его смерти, обстоятельствам, которые мне не удалось выяснить по некоторым, не зависящим от меня причинам...

Кинокартина начинается и заканчивается одним и тем же эпизодом. Окутанные предрассветным туманом, молчаливо стоят деревья на лесной поляне. Ковш экскаватора поднимает из глубокой ямы, наполненной жидкой грязью, обломок фюзеляжа реактивного самолета. Карабинеры несут что-то в окровавленной простыне. Люди, окружающие место катастрофы, отворачиваются. В простыне то, что осталось от инженера Маттеи, его личного пилота — кавалера золотой медали Сопротивления Бертуцци и американского журналиста Вильяма Мак Хейла, который в это время заканчивал биографическую книгу о президенте «ЭНИ». Так оно было и на самом деле.

А в середине фильма — рассказ о поистине легендарной жизни этого человека, начавшего самостоятельную жизнь с мытья тарелок в неаполитанской траптории «Тетка Тереза», отважно сражавшегося в рядах Сопротивления и возглавившего в конце сороковых годов крупнейшее государственное объединение страны. Да, Маттеи представлял интересы национальной буржуазии, и на

этот счет ни у кого не возникало никаких иллюзий. Но он был антифашистом и патриотом своей страны. Именно он доказал возможность создания в Италии национальной нефтеметановой промышленности, освобождения ее от кабалы, навязанной после войны международным нефтяным картелем, именуемым «Семью сестрами».

«Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Сокони мобил ойл К⁰», «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексас ойл К⁰», «Галор ойл корпорейшн», «Бритиш петролеум компани», «Ройял датч-Шелл». Союз американских, английских и голландских нефтяных королей, вернее, королев — все же «сестры». В течение десятилетий они диктовали цены на нефть и нефтепродукты на европейских рынках, единолично устанавливали условия нефтяных концессий. Маттеи первым пробил брешь в нефтяной монополии «сестер» сначала на Апеннинах, а затем и в некоторых ближневосточных странах, где он предложил более выгодные для развивающихся государств условия распределения прибылей.

В фильме Франческо Роззи есть эпизод, когда некий заокеанский бизнесмен, тщетно пытавшийся уговорить президента «ЭНИ» не портить отношений с нефтяными королями, оставшись наедине со своим доверенным лицом, бросает запоминающуюся фразу: «Я удивлен, что мистер Маттеи еще жив».

И еще один эпизод. Президент «ЭНИ» должен срочно улететь из сицилийского города Катании в Милан. Его пилот неотлучно дежурит у самолета. Неожиданно его вызывают к телефону в аэропортовский бар. Бертуцци тщетно пытается выяснить, кто с ним говорит. А в это время к самолету подходят двое в комбинезонах и один в полицейской форме... Так было и на самом деле. Только этих трех людей, побывавших у самолета, никто потом ни найти, ни опознать не смог.

В середине пятидесятых годов мне, тогда еще работнику нашего торгового представительства в Риме, довелось присутствовать на беседе с президентом «ЭНИ». Речь шла о первых закупках Италией значительных количеств советской нефти. «Надо освободить Европу от владычества нефтяных картелей,— говорил тогда Маттеи.— Сколь долго можно терпеть их грабительскую политику?» Наверное, тогда ему впервые пришла идея о

возможности строительства гигантского газопровода, который мог бы снабжать Италию советским газом.

Сегодня, когда успешно реализуется «сделка века» между советскими внешнеторговыми организациями и «ЭНИ» о поставке в Италию сибирского метана в обмен на стальные трубы для газо- и нефтепроводов, рассчитанная на двадцатилетний период, все кажется простым и естественным. Тогда же, в период разгара «холодной войны», покупка советской нефти и смелые идеи инженера Маттеи вызвали бурю негодования у нефтяных королей и королев. И не только у них. «Маттеи проданся коммунистам...», «Президент «ЭНИ» разрушает нефтяной рынок...» — кричали заголовки некоторых буржуазных газет. В потоке почты, которая ежедневно ложилась на стол инженера, все чаще и чаще стали попадаться анонимные письма с угрозами. Пилоту Бертуцци приходилось каждый раз перед вылетом тщательно осматривать личный самолет Маттеи...

Поздно вечером в субботу 27 октября 1962 года неожиданно заработали телетайпы редакций всех итальянских газет, и дежурные срочно засели за переверстку подготовленных на утро первых полос, хотя полученное сообщение занимало всего несколько слов: «Милан, 27-е. Самолет инженера Маттеи упал в местечке Баскапе, провинция Павия. Сообщение получено от представителей миланского аэродрома Линате».

Бывший председатель областного совета Сицилии христианский демократ Джузеппе Д'Анджело заявил в интервью еженедельнику «Еуропео»:

— Я был последним человеком, который видел живым Энрико Маттеи. Более того, в течение нескольких часов в болоте Баскапе искали и мой труп, потому что я должен был лететь вместе с Маттеи и мое имя Бертуцци уже вписал в пассажирский список... Наш вертолет приземлился в пятидесяти метрах от реактивного самолета Маттеи. Он первый начал разговор, последний разговор со мной:

— Почему ты не хочешь лететь в Милан?

— Если ты хочешь, я, конечно, полечу. Но имей в виду, что завтра в одиннадцать утра у меня деловая встреча.

— Какая встреча?

— Завтра компания «Разиом» вводит в эксплуатацию несколько цехов нового нефтеперегонного завода. Приедет Каццанига, президент «Эссо». Неудобно, если меня не будет.

— Конечно, конечно. Но Бертуцци доставит тебя на открытие. Давай твой чемодан. Бертуцци, ты подбросишь его завтра утром в Катанию?

— Не уверен, президент. В Милане плохая погода, туман. Если он не рассеется, можем не долететь и мы.

— В общем, как говорится, ничего не поделаешь?

— Президент, я уверен, что не надо рисковать. Если синьор Д'Анджело хочет быть в Катании утром, я ему этого гарантировать не смогу.

Одной ногой я уже был в самолете. Маттеи взял с кресла мой чемодан, отдал мне его, пожал руку и сказал, улыбаясь: «До скорой встречи...»

После аварии самолета многие итальянские журналисты, не сговариваясь, задали один и тот же вопрос: «Почему Д'Анджело не полетел вместе с Маттеи в Милан?»

Обратили они внимание и на тот факт, что весьма странным было поведение представителя «ЭНИ» на Сицилии Грациано Верзотто. Он был доверенным лицом президента «ЭНИ», сражался с ним в партизанском отряде и являлся одним из немногих людей, которым Маттеи говорил «ты». Верзотто не встречал своего шефа, когда тот прилетел на Сицилию, и не провожал, когда тот улетал в Милан. Почему? Почему Маттеи не спал всю ночь, свою последнюю ночь, которую он провел в мотеле «Аджип»? Почему всю ночь напролет, как утверждают слуги мотеля, президент «ЭНИ» одетый слонялся из угла в угол? Предчувствовал беду или уже знал, что за ним охотятся?

Вот уже более тринадцати лет остается незавершенным «дело Маттеи», незавершенным потому, что никто официально не решается заявить, погиб ли президент «ЭНИ» в результате несчастного случая или по злому умыслу. Франческо Роза хотя и прямо показал в своем фильме, что авиационная катастрофа не была случайностью, однако не довел расследование до конца. Нет, отнюдь не потому, что ему не хватило мужества. Сценарий фильма писал человек, который обещал режиссеру

предоставить документальные данные о причастности к гибели Mattei агентов ЦРУ, террористов из французской ОАС и киллеров из сицилийской мафии, действовавших по поручению нефтяного картеля. Но сценарий так и не был завершен.

...Январь 1968 года. В течение нескольких дней трясет землю в западной части Сицилии. Восемьдесят три подземных толчка, сила которых доходила до девяти баллов, стерли с лица Земли четырнадцать городов и населенных пунктов. Более десяти тысяч разрушенных домов, сотни убитых, на двести миллиардов лир убытков. Таким был трагический итог январского землетрясения.

Мы прилетели в Палермо на другой день после трагедии. Первый визит, естественно, к коллегам — итальянским журналистам из прогрессивной газеты «Ора». В редакции сизым туманом стоял табачный дым. Многие работники не спали всю ночь. Готовили экстренный выпуск газеты, организовывали автоколонну с продовольствием и лекарствами для районов бедствия. В коридоре — короткое знакомство с одним из редакторов газеты.

— Советский журналист? Чао, компаньо... Меня зовут Мауро Де Мауро. Ты понимаешь, эти маскальцони, эти подонки, даже на смерти хотят подзаработать.

— Какие подонки?

— Мафиози, дорогой мой, мафиози... Сотни погибших, а они цены на гробы подняли. Дай время, доберусь я когда-нибудь до этой «Онората сочиета»...

В 1970 году Франческо Рози начал работу над сценарием фильма «Энрико Маттеи». Мауро Де Мауро, узнав об этом, договорился с режиссером о том, что он напишет самую сенсационную часть сценария — историю трагической гибели президента «ЭНИ». «Я собрал кое-какой материал, — сказал он Рози, — не хватает нескольких деталей. А вообще все это дело пахнет большим политическим скандалом, от которого многим не поздоровится». В первой половине сентября 1970 года в некоторых итальянских газетах промелькнуло сообщение о том, что сицилийский журналист Мауро Де Мауро знает, кто организовал убийство Энрико Маттеи, и что в ближайшее время он выступит с серией разоблачительных статей, которые будут небезынтересны для общественного мнения страны.

16 сентября 1970 года Мауро Де Мауро позвонил из редакции домой и сказал, что немного задержится на работе. Около десяти часов вечера он вышел из здания редакции, перебросился несколькими словами со швейцаром, сел в автомобиль и медленно, вместе с потоком машин, которыми в эти часы были перегружены неширокие магистрали Палермо, двинулся к своему дому. На углу улицы Пиранделло журналист остановил автомобиль, зашел в ближайший бар, купил пачку сигарет и бутылку вина. Когда он подъезжал к дому, у парадного входа стояла его дочь вместе с женихом. Оставив дверь открытой, они поднялись в квартиру. Подойдя к окну, дочь Де Мауро услышала громкий голос отца, который о чем-то говорил с тремя людьми, подошедшими к его машине. Судя по характеру разговора, все они были знакомы между собой. Затем Де Мауро сел за руль, рядом с ним и сзади разместились трое его собеседников. Автомашину на большой скорости скрылась за поворотом улицы. С тех пор Де Мауро бесследно исчез. На одной из палермских окраин полиция нашла к вечеру следующего дня брошенный автомобиль журналиста с неначатой пачкой сигарет на сиденье и забытой бутылкой вина.

«Мауро Де Мауро,— взывала в те дни к сицилийцам первая полоса газеты «Ора»,— отсутствует уже пять дней. Он был украден на ваших глазах. Помогите нам. Этот призыв к каждому из вас. Полицейского расследования далеко не достаточно. Примите участие в наших поисках. Даже самый незначительный факт может оказаться бесценным». Было бы неправдой сказать, что итальянцы не откликнулись на трагический призыв газеты. Сицилийского журналиста искали повсюду: в его родном городе, по всему острову, по всей Италии и даже за рубежом. Но все было тщетно.

Около трех лет назад в итальянской печати проскользнула очередная сенсация. Один из сицилийских священников, имя которого, естественно, названо не было, сообщил полиции содержание исповеди некоего Джузеппе П., киллера палермской мафии, предполагаемого похитителя Де Мауро. Вот как развертывались, согласно исповеди, события того сентябрьского вечера 1970 года. Когда Де Мауро вышел из машины рядом со своим домом, к нему приблизился Джузеппе П., который давно был знаком

с журналистом. Он представил ему двух своих друзей, заявив, что они располагают уникальными материалами по «делу Маттеи». Де Мауро сразу же согласился поехать на дом к одному из трех, чтобы посмотреть «товар» и столковаться о цене. На квартире, куда привезли Де Мауро, ему насильно ввели наркотики. Потом их вводили ему регулярно после очередных допросов и пыток.

Что пытались узнать киллеры? Об этом исповедовавшийся не сказал. В Палермо на одной из конспиративных квартир мафии Де Мауро продержали девятнадцать дней. Затем в санитарной машине, за рулем которой сидел все тот же Джузеппе П., журналиста перевезли в рыбацкий домик на одной из окраин города Агридженто. Там он оставался трое суток. На рассвете 8 октября Де Мауро привезли на пустынную пристань и посадили на рыбацкую шхуну. Здесь его (мертвого или в бессознательном состоянии — этого никто не знает) «упаковали» в железный ящик и бросили в открытое море...

Джузеппе П. Кто он? Когда арестовали Лючано Леджио, многие итальянские газеты высказали не такое уж сомнительное предположение, что Джузеппе П. и «Красная примула» — одно и то же лицо.

На это, кстати, весьма прозрачно намекал в своем интервью еженедельнику «Экспрессо» полицейский комиссар Анджело Мангано, который еще в 1944 году принимал участие в первом аресте Леджио.

Еженедельник «Доменика дель корьере» писал о Мангано: «Этот полицейский вызывает самые большие споры. Ему 54 года. В течение некоторого времени он занимал пост «специального представителя» по борьбе с мафией. Мангано сильный человек с необузданным темпераментом. Его не раз обвиняли в применении слишком свободных и не очень традиционных методов при выполнении своих заданий. Мангано, в частности, сообщил, что, когда Лючано Леджио находился в римской клинике, его навещали люди, через которых можно было добраться до «головы змеи». Так называют на Сицилии человека, который является «капо дей капи», то есть самым верховным вожаком мафии. Именно по его приказу Леджио ликвидировал Мауро Де Мауро. «Но Леджио никогда об этом не расскажет», — заключил Мангано».

«Исповедь» Джузеппе П., отшумев на первых полосах

итальянских газет, не получила своего дальнейшего развития. Ни имени сицилийского священника, ни фамилии киллера, укравшего Де Мауро, так никто тогда и не назвал... А незадолго до этого события случилось еще одно происшествие, которое заставило общественное мнение вновь вернуться к именам инженера Энрико Маттеи и журналиста Мауро Де Мауро.

Происшествие окрестили в итальянской печати «делом Скальоне». Но это совсем короткое дело, ибо для читателей вряд ли представит интерес официальная биография бывшего генерального прокурора Палермо Пьетро Скальоне. Подчеркиваем слово «официальная», потому что о личной жизни прокурора известно очень немного: он, как истинный сицилиец, не любил рассказывать о себе. Родился Скальоне 2 марта 1906 года в небольшом местечке Леркара Фридди, убит 5 мая 1971 года в Палермо. Вся жизнь прокурора была связана с Сицилией и преступлениями мафии. Небезынтересно, что за первые пятьдесят дней после того, как его назначили на должность, в столице зарегистрировано 56 убийств, в которых были замешаны крупнейшие враждующие между собой группировки сицилийской мафии. Скальоне знал многое, хотя немало дел, которые он вел, ложились на архивные полки с пометкой: «Следствие прекратить за недостатком улик...»

За несколько дней до своей насильственной смерти прокурор на небольшой пресс-конференции журналистов сделал взбудоражившее представителей «второй древнейшей профессии» заявление. Он пообещал не только выяснить «в самое ближайшее время», кто украл Де Мауро, но и доказать связь между исчезновением журналиста и таинственной гибелью президента «ЭНИ». Трудно сказать, почему генеральный прокурор решился на такой шаг. Ходили слухи, что он хотел припугнуть тех, кто добивался его перевода из Палермо на континент.

Утром 5 мая Скальоне вышел из своего дома на улице Маркесе Уго вместе с сыном Антонио и сержантом карабинеров Себастьяно Агостино. Они сели в автомобиль и поехали в центр города. Там сын и карабинер вышли. Прокурор же направился на кладбище «Дей капуччини», куда он приезжал почти каждый день, чтобы возложить на могилу своей жены, умершей шесть лет назад, букет

свежих цветов. Обрато автомашина Скальоне возвра- щалась по виа дей Чипресси — узкой, кривой улочке в центре города, обычно забитой машинами и прохожими. Но в то утро она почему-то была абсолютно пустынной. Действительно, полиции удалось найти всего лишь одного свидетеля происшествия — одиннадцатилетнего мальчонку. Вот его рассказ:

«Голубому «фиату» (машина Скальоне) неожиданно преградил путь белый «фиат» (машина неизвестна), из которого вышли двое. Еще двое людей показались из дверей одного из домов (какого — он не помнит). Все четверо вытащили пистолеты и стали стрелять в голубой «фиат». Потом сели в белый «фиат» и уехали...» Прибывшая на место происшествия полиция нашла мертвого шофера и истекающего кровью прокурора, который умер от одиннадцати огнестрельных ран по пути в госпиталь. Мальчишка-свидетель, допрошенный вторично, сказал, что «фиат» незнакомцев был не белого, а черного цвета, а сколько было преступников, он уже не помнит.

Позже были опрошены почти все жители виа дей Чипресси, но их показания походили одно на другое и, по сути дела, не содержали никакой информации. Вот что, например, заявила полиции Роза Бадильменти из дома № 260, напротив которого и был убит Пьетро Скальоне. «Я находилась в саду, — сказала женщина, — и ничего не слышала. А узнала о случившемся только тогда, когда приехала полицейская машина с сиреной». Франческа Триполи и Франческа Еудженио, проживающие в доме № 262, кое-что слышали, но немного. «Мы сидели в комнате и разговаривали. Потом вдруг вроде бы выстрелы — семь или восемь с интервалами. Но мы не обратили внимания. Улица наша шумная, думали, что мальчишки стреляют из игрушечных пистолетов...»

Во время торжественных похорон Скальоне никто, естественно, даже не упомянул о мафии. «Воздав должное павшим, мы должны вернуться на свои места, чтобы и дальше служить делу справедливости. Вся эта трагедия произошла потому, что люди перестали верить в порядок и правосудие». Это сказал мэр Палермо христианский демократ Маркелло. Председатель сицилийского областного совета Пираино Лето заявил: «Это был удар не по Скальоне как человеку, а по его официальной должности.

Это преступление было направлено против закона. Сегодня, как никогда, оскорбляют представителей государства, делают все, чтобы подорвать веру народа в правопорядок. И на этом пути весьма усердствуют некоторые газеты, публикуя демагогические статьи...» А эти «некоторые» газеты озаглавили статьи об убийстве Скальоне весьма недвусмысленно: «Смерть одного из руководителей мафии!»

Был ли связан Пьетро Скальоне с мафией? Да, был. Ответ, который дала итальянская печать на убийство генерального прокурора Палермо, не оставлял в этом плане никаких сомнений. Кстати, то обстоятельство, что Лючано Леджио — «Красная примула» так долго гулял на свободе, относят за счет «дружеских забот» Скальоне об этом бандите. Но ныне никто не сомневается, что именно Леджио если не участвовал в убийстве, то дал указание ликвидировать прокурора. Почему?

Член парламентской комиссии по борьбе с мафией сенатор Лино Януцци заявил: «Мафия убила не генерального прокурора, а хранителя ее многочисленных секретов. В сейфе Скальоне лежала тридцатилетняя история этой преступной организации. И его убили, когда стало известно, что он может уехать из Сицилии на континент, в город Лечче». Вице-президент комиссии Ли Каузи сказал: «Решение государственной прокуратуры о переводе Скальоне в Лечче нарушило баланс отношений палермского прокурора с мафией. Возможность перевода Скальоне из Сицилии поставила под угрозу гегемонические интересы некоторых представителей мафии. Поэтому они решили закрыть игру этим кровавым финалом».

Второй вице-президент комиссии Делла Бриотта высказался еще более определенно: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что речь идет о преступлении, совершенном мафией. Скажу больше: смерть доктора Скальоне — это следствие тех безобразий, которые творились в Палермо в последние годы не без участия самого прокурора. Поэтому мнение о Скальоне не должно диктоваться жалостью к убитому человеку, во всяком случае до того момента, пока не станут известны детали и подробности этого события».

Не так давно в Италии вышла книга прогрессивного журналиста Риккардо Де Санктиса «Преступление рядом

с властью», где он собрал весьма любопытные материалы о загадочной смерти Маттеи, Де Мауро и Скальоне: «Я ни минуты не сомневаюсь в том, — заявил он во время своей авторской пресс-конференции в римской Ассоциации иностранных журналистов, — что все три преступления, именно преступления, совершены с участием мафии и американской секретной службы».

Конечно, ни мафия, ни «Коза Ностра», ни ЦРУ не оставили своих визитных карточек. Но связь между гибелью Маттеи и судьбой двух людей, пытавшихся пролить свет на эту историю, более чем очевидна. Итальянский специалист по расследованию деятельности мафии историк Микаеле Панталеоне привел неопровержимые данные о том, что один из главарей «Коза Ностра», Марчелло Карлос (он же Калоджеро Минакори), известный под кличкой «Малыш», принимал участие в секретном совещании американских нефтепромышленников в Тунисе в октябре 1962 года. После его окончания он срочно вылетел в Мадрид и затем вернулся в Катанию, вернулся за два дня до трагической гибели Энрико Маттеи.

«В августе 1970 года, — пишет в своей книге Де Санктис, — в Палермо прибыл один из представителей американской секретной службы, который был знаком с Мауро Де Мауро еще с 1943 года. Агент ЦРУ неоднократно пытался встретиться с сицилийским журналистом. Мы не знаем, правда, состоялись эти встречи или нет. Но бесспорным остается факт срочного отъезда американского гостя из Палермо через четыре дня после таинственного исчезновения Де Мауро».

В книге Де Санктиса приводится еще одно свидетельство некоего Де Возьоли, бывшего офицера французской контрразведки, агента ЦРУ, ныне проживающего в США: «Африканская политика Маттеи по нефтяному вопросу многих не устраивала. Он стал получать угрожающие письма, и в частности от одной из оасовских организаций — «Аксон», которой потом и было дано задание совместно с сицилийской мафией ликвидировать президента «ЭНИ», поскольку он не поддавался на уговоры прекратить переговоры с алжирцами и не обращал внимания на угрозы со стороны нефтяных картелей..»

Для своих деловых поездок Маттеи использовал двухтурбинный реактивный самолет «Моран Солнце», пост-

роенный во Франции. Было принято решение осуществить диверсию в самолете Маттеи во время его стоянки в Катании, поскольку на аэродроме Фонтанаросса практически не было охраны. Люди из «Аксон» выбрали специального техника, хорошо знающего систему самолетов того типа, на котором летал Маттеи. Настоящее имя этого человека неизвестно. Кличка его была «Лоран». Он родился на Корсике, прекрасно говорил по-итальянски.

Осенью 1962 года Лоран перебрался в Катанию и с помощью людей из местной мафии устроился работать на аэродром Фонтанаросса. 26 октября было получено сообщение о том, что Маттеи должен вылететь из Катании в Милан на следующий день. Через специального агента из «Аксон» Лоран получил приказ: «Действуй!» В субботу 27 октября утром Лоран пришел на аэродром, незаметно забрался в самолет Маттеи и за четверть часа сделал все то, что было необходимо, чтобы президент «ЭНИ» не долетел до Милана. Диверсия прошла без сучка без задоринки. В четыре тридцать Маттеи и журналист Вильям Мак Хейл прибыли на аэродром и сели в самолет, где уже находился личный пилот президента и его неизменный компаньон по ловле форелей... Самолет врезался в землю и взорвался. Дело Маттеи было закрыто...»

И наконец, еще одно свидетельство, на сей раз бывшего подполковника СИД — так называется итальянская военная контрразведка — Энцо Сальчоли, который был замешан в провалившемся военном заговоре 1964 года и бежал сначала в ФРГ, а затем в Швейцарию, где установил отношения с ЦРУ. В настоящее время Сальчоли занимает пост начальника генерального штаба в нелегальном правительстве Италии, находящемся в эмиграции и состоящем из военных и политических деятелей, придерживающихся профашистских взглядов. Цель этого «правительства» — свержение существующего республиканского строя на Апеннинах и установление тоталитарного режима.

В своем интервью еженедельнику «Еуропео» Сальчоли заявил: «В моем распоряжении есть документы о гибели Энрико Маттеи. Еще в 1970 году я рассказал об этом деле одной итальянской газете, но та испугалась и ничего не опубликовала. Маттеи проводил политику, которая не устраивала итальянское правительство и некоторых дру-

гих. Его особые отношения с арабскими государствами были как бельмо на глазу. Но его погубило не только это. Маттеи мечтал о власти. Как только стало известно, что он с его демократическими замашками может занять кресло президента республики, ему был вынесен смертный приговор. Влиятельные политические деятели приказали его убить, поручив это дело мафии. В самолет Маттеи была подложена мина с часовым механизмом, которая и привела к катастрофе».

Нет, все очень не просто в истории с тремя таинственными происшествиями. Грязная политика монополий и кровавые дела мафии переплелись в один клубок, из которого торчат уши империалистических разведок и правозащитных организаций...

Мафия и чернорубашечники

Печать окрестила происшествие необычно длинно: «Самая загадочная политическая сенсация послевоенной Италии». Но будем снисходительны к итальянской печати. Она склонна иногда к преувеличениям. Каждое новое событие всегда кажется более значительным, нежели то, что стало историей. Такова жизнь. Но в Италии действительно случались дела похлеще того, которое окрестили «самым загадочным». Убивали из лупары профсоюзного деятеля, который начинал беспокоить сиятельных земельных баронов. Взрывался при «загадочных обстоятельствах» самолет президента государственной компании, который начинал «мешать» грабительской политике международных нефтяных картелей. Расставался с жизнью прокурор, который начинал слишком открыто намекать на то, что «много знает». Об этом мы уже рассказывали.

На этот раз обошлось без смертоубийства. В Генуе украли заместителя прокурора Марио Сосси. В обычный будничнейший день он возвращался домой после работы с большим черным портфелем в руках. Нет, там не было никаких секретов: всего лишь документы о незаконном повышении торговцами цен на сахар и оливковое масло. В нескольких шагах от дома заместителя прокурора ожидал «Фиат-127». Сосси втолкнули в автомашину, и она умчалась в неизвестном направлении...

Что за человек генуэзский заместитель прокурора? «Консервативен,— писал о нем еженедельник «Эспрессо».— Но ужасно не любит, когда его называют фашистом. Правда, в юношеские годы состоял членом молодежной фашистской организации...»

Пока три тысячи карабинеров, не считая служебных собак, разыскивали Сосси по Апеннинскому полуострову и вне его, заголовки газет и журналов пестрели вопросами: «Кто?», «Зачем?» Впрочем, некоторые сразу же попытались ответить на них. Неофашисты из «Итальянского социального движения» (ИСД), например, заявили: «Это — дело рук коммунистов!» Те, кто поосторожней, намекнули: «Террористы из «красных бригад»...» Совсем осторожные довольно уверенно предположили: «Мафия...» Мы еще вернемся к «бригадам» и к мафии. А сейчас обратим внимание на прилагательное «красный».

Вот уже пять с лишним лет гремят в Италии взрывы, совершаются поджоги, организуются бандитские налеты. Все это называется «стратегией напряженности». Цель — свержение республиканского строя в Италии. Авторы — наиболее реакционные и экстремистские круги на Апеннинах, поддерживаемые за рубежом. Основные исполнители: неофашистская партия «Итальянское социальное движение», примыкающие к ней «ультра» и киллеры из мафии, в которых неочернорубашечники нашли верных «союзников» и исполнителей.

Когда стреляют в коммуниста, полыхает здание прогрессивной организации, молодчики с кастетами нападают на забастовщиков или достоянием широкой общественности становятся подробности готовившегося государственного переворота,— тогда все ясно. Недаром же столько пишут в последнее время, в том числе и буржуазные газеты, о «черном заговоре» в Италии. Может быть, поэтому решили сменить прилагательное те, которым не терпится повторить на апеннинской земле чилийский «эксперимент»?

Когда в миланском сельскохозяйственном банке и в римском Банко дель Лаворо 12 декабря 1969 года с разницей в двадцать пять минут взорвались две адские машины, оставив на полу более сотни мертвых и искалеченных тел, тогда ведь тоже кричали о злодеянии «красных». Но сегодня даже итальянский первоклассник знает, что

уже более трех лет сидят на казенных харчах в миланской тюрьме два руководителя фашистской организации «Новый порядок» Фреда и Вентура по прямому, неопровержимо доказанному обвинению в причастности к кровавым событиям 1969-го. Но почему-то не поспешает Фемида...

Когда на одной из римских окраин была подожжена квартира секретаря местной секции ИСД и в огне пожара погибли двое его детей, тогда тоже пытались взвалить вину на «левых». А потом выяснилось, что секретарь неоднократно выступал против крайностей политики террора своей партии, и нити следствия уверенно потянулись на улицу Трех Фонтанов, в здание руководства «социальным движением».

Когда в октябре 1973 года в некоторых итальянских городах появились листовки с призывом к «вооруженному восстанию», тоже говорили об активизации «левых экстремистов». А немного позже прокурор из города Падуи подписал ордер на арест помощника комиссара полиции Молино, обвинив его в причастности к антиправительственному заговору и в связях с мафией. Несколькими днями позднее министр внутренних дел лишил помощника комиссара всех званий и регалий. «Это было сделано не только для того, чтобы наказать нарушившего присягу сотрудника полиции,— отмечал буржуазный еженедельник «Панорама»,— но и чтобы вернуть силам правопорядка утраченное доверие общественности, узнавшей, что многие служащие полиции и министерства внутренних дел замешаны в неофашистских преступлениях. Среди них карабинеры, утаившие улики против чернорубашечников, агенты секретных служб, сотрудничавшие с фашистскими провокаторами и мафией, работники прокуратуры и судов, делавшие все возможное, чтобы не предавать виновных суду...» Подчеркнем: все это пишет буржуазный еженедельник.

Молино, производя обыск у руководителя одной из вновь появившихся фашистских группировок, нашел оперативный план военного переворота, намечавшегося на начало 1974 года, а также перечень адресов примерно 400 политических деятелей, подлежащих физическому уничтожению в первую очередь. Конечно — коммунисты, конечно — социалисты, конечно — профсоюзные и про-

грессивные общественные деятели. Но не только они. Вместе с ними террористы имели в виду расстрелять и бывшего премьер-министра, и министра внутренних дел, и некоторых других министров. Молино обнаружил этот красноречивый «перечень», но скрыл его. Более того, следствию стало известно, что полицейский неоднократно предупреждал неофашистов об особом к ним «внимании» со стороны полиции, а мафиози — о готовящихся на них облавах.

А теперь вернемся к украденному заместителю прокурора Сосси, который в конечном итоге был освобожден после тридцатипятидневного заточения в одном из тайных убежищ «красных бригад». Террористы потребовали свободы для своих коллег, сидящих в тюрьме за ограбление банка. Правительство отказалось это сделать, и Сосси был выпущен на свободу, видимо, потому, что террористы решили «не усложнять отношений» с официальными властями.

Но еще до того, как он был освобожден, еженедельник «Эспрессо» задал одному из высоких полицейских чинов Италии совершенно логический вопрос: «А не фашистские ли провокаторы — эти похитители, маскирующиеся под «красных»?» Ответ полицейского был категоричен, но мало аргументирован. «Нет, — изрек он. — Они сами это отрицают. И потом речь идет о четырех десятках юнцов, имена которых нам известны...» «Раз они известны, почему вы их не арестуете?» — этот простой вопрос задала «Панорама».

Действительно, почему? Ответ напрашивается сам собой. Может быть, потому, что кое-кому нужны молодчики с кастетами, которые могли бы легко менять цвета. И не явилась ли еще одной неофашистской акцией эта «самая загадочная политическая сенсация послевоенной Италии»? Почерк может меняться, но пером террора водит одна и та же рука. Какая? На этот вопрос весьма недвусмысленно ответил французский журнал «Экспресс». «Если бы со времени Рема и Ромула не было известно, что такое провокация, то ее изобрели бы фашисты, ибо для того, чтобы их заговор против демократии был «итальянским», он должен быть макиавеллистским». И он именно таков. «Красные бригады», которые выдают себя за крайне левые организации, являются не чем

иним, как творением фашистов. Расследование доказывает это неопровержимо. Марио Сосси во время его заточения сторожили два человека, одетые в синие плащи с капюшонами, напоминающими форму ку-клукс-клана. Руководители так называемых «красных бригад» — это отнюдь не анархистствующие нигилисты. Они тесно связаны с «отрядами действия Муссолини» и являются ловкими перевертышами. Их листовки вроде бы напоминают по форме левацкие, но содержание фашистское: «Поразить государство в самое сердце».

Говоря об Италии, мы ни на минуту не забываем, что еще поправа демократия на испанской земле, что свирепствует фашистская диктатура в Чили, что опять начинают поднимать голову молодчики из распушенной в Западной Германии НДП, регулярно собираются на свои экстремистские шабашки австрийские «зеленые блузы» и «патриотическая гвардия», вылезают из щелей французские «ультра», тесно связанные с террористической организацией ОАС... Всех их объединяет ненависть к демократии, к прогрессу, к разрядке международной напряженности. Они пытаются объединиться, скоординировать усилия, чтобы нанести концентрированный удар там, где реакции удастся вызвать экономический хаос, усилить политическую неустойчивость, притупить бдительность народа и подорвать его единство...

Когда-то черная волна фашизма покатила от берегов Адриатики. Теперь она вновь возвращается к этим берегам. Перед «походом на Рим» в 1921 году чернорубашечники Муссолини имели в парламенте 35 депутатских мандатов из 500. Сегодня у «социального движения» 56 мандатов. ИСД стала четвертой партией на Апенниннах по числу получаемых голосов. Ее ряды насчитывают около 400 тысяч человек, входящих более чем в четыре тысячи секций.

Сенатор-коммунист Террачини говорил в одном из своих выступлений: «Если сейчас не будут приняты все необходимые меры, чтобы нанести удар по тем центрам, которые организуют акты насилия и фашистские провокации, если не будет сделано все для того, чтобы разбить эти орды, запретить их выступления и добиться их роспуска, то народу придется самому расплачиваться за преступное попустительство».

Конечно, нельзя сравнивать Италию двадцатых годов с сегодняшней, прошедшей через горнило Соппротивления. Никто не утверждает, что итальянские чернорубашечники смогут захватить власть в нынешних условиях. Но сам факт существования ИСД — это постоянно действующий катализатор напряженности, это — «пятая колонна» международной реакции, которая на Европейском континенте наиболее активно пробует сейчас свои силы в Италии, пользуясь политической неустойчивостью в этой стране. Ныне покойный «черный князь» Боргезе, фашистский преступник, милостиво прощенный итальянской Фемидой, попытался совершить государственный переворот в 1970 году и, потерпев провал, бежал в Испанию. Видимо, не случайно в Испанию.

Главарь «социального движения» Д. Альмиранте не зря выражает свое «восхищение» кровавыми делами палача чилийского народа генерала Пиночета. Между ними идет «обмен опытом». «Центром финансирования итальянского неофашизма, — указывается в документе Международной федерации участников движения Соппротивления, — служит в США «Континентл Иллинойс бэнк», который наряду с банком «Галф энд Уэстерн» переводит в Италию средства на покрытие расходов ИСД». Крупные суммы неофашисты получают от двух итальянских «королей» нефти и цемента — Монти и Пезенти...

Потерпев недавнее поражение во время референдума о разводе, который правые силы в Италии пытались использовать для смещения политической оси страны вправо, неофашисты и иже с ними экстремистские группировки отнюдь не отказались от «стратегии напряженности». Стратегия остается все той же. Меняется лишь тактика, да появляются новые «союзники».

Кстати, один из похитителей заместителя прокурора Сосси был в начале 1975 года арестован в Милане. Им оказался некто Бенедетто Ла Кара, сицилийский мафиозо и киллер одной из банд. Когда стали известны детали его допроса, итальянский буржуазный еженедельник «Темпо» вышел в свет с весьма многозначительной передовой статьей, которая была озаглавлена: «А не связывает ли невидимая нить мафию и фашистских заговорщиков?»

Впрочем, еженедельник не столько спрашивал, сколько доказывал в своей статье, что такая нить не только

имеется, но и становится все более крепкой. Бенедетто Ла Кара заявил, что генеральный прокурор Палермо Пьетро Скальоне не только знал о готовившемся государственном перевороте, во главе которого стоял «черный князь» Боргезе, но и оказывал ему содействие в сборе необходимых средств на Сицилии. Об этом знал и сицилийский журналист Мауро Де Мауро, чье исчезновение связывают ныне не только с «делом Энрико Маттеи», но и с тем, что он был в курсе готовившегося «черным князем» путча, в котором был замешан и уже упоминавшийся нами босс мафии Лючано Леджио...

Следствие по делу Бенедетто Ла Кара, как сообщает «Темпо», продолжается, все более раскрывая перед общественным мнением волчьи повадки мафии, превратившейся в тайное политическое орудие реакционнейших сил Италии.

Мафия действует не только на Сицилии и не только в Палермо. Ее резиденциями стали и Рим, и Милан, и другие большие и малые города Центра и Севера страны. У мафии есть постоянный «воздушный» мост с Соединенными Штатами, который дает возможность не только тайно перевозить наркотики, но и заимствовать новейшие методы американского гангстеризма (в том числе и политического), все более меняющего лицо традиционного мафиозо. Мафия — это не только сюжеты для кинофильмов, которых немало появилось за последнее время на итальянских и других экранах. Это — печальная реальность и опасность как в Италии, так и в США.

«Наше дело» в Америке

В Соединенных Штатах самые высокие небоскребы, самые комфортабельные автомобили и самые широкие автострады. Все эти превосходные степени вы прочитаете в любом рекламном каталоге о крупнейшей заокеанской стране. В нем, правда, нет указаний на то, что в Америке совершается самое большое число убийств, насилий и краж, что в этой стране самое большое количество наркоманов, алкоголиков и психически ненормальных людей, что там на грани нищеты и в нищете находится многомиллионная армия безработных. Данные эти

не приводятся, видимо, для пущего спокойствия туристов. Зачем пугать людей!

Не говорится и о том, что США держат рекорд по организованной преступности. Имя она носит итальянское — «Коза Ностра». В отличие от лингвистической головоломки, которую несет в себе слово «мафия», название сие переводится просто: «Наше дело». В «деле» на сегодняшний день принимают участие около пяти тысяч членов гангстерского синдиката, объединенных в двадцать четыре «семьи». Некоторые считают, что американских мафиози мало. Может быть. Но ежегодный доход «Коза Ностра» не уступает прибылям девяти крупнейших концернов США, таких, как «Юнайтед Стейтс стил», «Дженерал моторс», «Стандард ойл», «ИТТ», «Дженерал электрик», «Форд моторс», «ИБМ», «Крайслер» и «Эй-Би-Си». По приблизительным подсчетам, доход этого концерна преступников достигает цифры, равной национальному доходу Канады.

Деятельность гангстерского синдиката организована с поистине американским размахом и охватывает помимо «чистого» бандитизма такие сферы, как подпольная торговля наркотиками и драгоценными камнями, азартные игры и всяческие лотереи, финансовые махинации с предоставлением ссуд под ростовщический процент и «охрана» мелких торговых фирм, спекуляции недвижимостью и «участие» в деятельности более восьми десятков американских промышленных и коммерческих предприятий.

У «Коза Ностра» своя географическая карта Соединенных Штатов, поделенная на «сферы влияния» единовластными главами «семей». В Нью-Йорке хозяйничают банды Гамбино, Катены, Коломбо и Трамунти Шиакка, в Чикаго — «семья» Де Лючия, в Детройте — Дзерилли, в Буффало — Магадино, в Филадельфии — Бруно, в Новом Орлеане — Марчелло... Паспорта и гражданство у боссов — американские, имена и фамилии — итальянские.

Конечно, было бы наивным предполагать, что «Коза Ностра» возникла в Америке потому, что за океан эмигрировало в разные времена несколько миллионов итальянцев. Гангстеризм в США — чистейший продукт социального загнивания американского империализма. В настоящее время он все больше и больше превращается в силу, обслуживающую как концерны преступников, так

и «большой бизнес», с которым гангстеры все более срашиваются. Гангстеризм используется для борьбы с организованным рабочим движением, для террористических операций, если участие в них полиции признается нецелесообразным. Для США характерно использование гангстеризма не только в бизнесе, но и в политике, в частности во время избирательных кампаний: для покупки голосов, подмены бюллетеней, фальсификации результатов выборов и т. д. Слов нет, американский гангстеризм имеет свое лицо, но отдельные представители сицилийской мафии, махнувшие за океан, экспортировали в уголовный мир заокеанской страны законы и структуру террористических организаций с «родного» острова Сицилии.

«Действуя в ином этническом, экономическом и социальном обществе, заокеанская мафия претерпела изменения в своей преступной технике,— писал итальянский журналист Франческо Маркеше.— Она стала более жестокой и динамичной, более агрессивной по своим методам. Их она начала насаждать и в сицилийской мафии, с которой поддерживает самые тесные отношения».

Ныне покойный директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер, когда его спросили, что он знает о «Коза Ностра», именуемой также «американской мафией», ответил встречным вопросом: «А что это такое?» Что смутило тогда директора ФБР? То ли нежелание признавать существование преступного концерна, то ли незнание истории? А может быть, и то и другое вместе?

Первое преступление мафии в Соединенных Штатах, официально зарегистрированное американской полицией, было совершено 24 января 1889 года в Новом Орлеане, когда за карточным столом был убит некий Винченцо Оттумво. Но не это убийство, положившее начало кровавой бойне между конкурирующими гангстерскими бандами, обеспокоило американскую полицию. В игорных домах, тайных притонах стали из-под полы продаваться наркотики, которые прибывали, как это удалось выяснить, из Сицилии вместе с апельсинами и лимонами. И вот в далеком 1909 году на остров Солнца был командирован с тайной миссией лейтенант нью-йоркской полиции Джозеф Петрозино, чтобы вскрыть связи между американскими и сицилийскими мафиози. Впрочем, тайну

миссии лейтенанта сохранить не удалось. Нью-йоркская газета «Геральд» в номере от 20 февраля 1909 года рассказала о ней в порядке сенсации широкому кругу читателей.

Путешествие Петрозино на средиземноморский остров заняло в те времена довольно много времени. На Сицилию он попал только в марте. Но его пребывание в Палермо было недолгим и закончилось трагически. Вечером 12 марта 1909 года, когда американский полицейский ожидал конку на площади Марино, чтобы ехать по своим делам, к нему приблизились двое неизвестных. Один из них снял с плеча лупару и выстрелил в Петрозино. Лейтенант был убит наповал. Неизвестные спокойно ушли с площади...

Позже стало известно имя убийцы — Вито Кашио Ферро, один из руководителей мафии в Палермо. Вечером в день преступления он ужинал в доме своего друга — депутата местного самоуправления. Затем, сказав, что ему нужно отлучиться по делам, взял напрокат коляску депутата, посадил по пути своего сообщника, посетил пьядца Марино, убил там Петрозино и вернулся продолжать дружеский ужин... В последующем Вито Кашио эмигрировал в Америку, затем был выслан за преступления опять на Сицилию, и только в 1926 году его арестовали за очередное убийство в Палермо, судили, приговорили к пожизненной каторге, где он и окончил свои дни.

А деятельность «Коза Ностра» в Соединенных Штатах приобретала между тем все более широкий размах. В период «сухого закона», введенного американцами, мафиози молниеносно наладили изготовление спиртного, зарабатывая на тайной его продаже баснословные деньги. Затем пришла очередь наркотиков, тайных притонов, шантажа, насилий. Достоянием американской полиции стал своеобразный прейскурант, который гангстеры предлагали своим клиентам, желающим расправиться с противниками: «избиение — 2 доллара; два подбитых глаза — 4; сломанный нос и разбитая челюсть — 10 долларов; отрыв уха — 15; сломанная рука или нога — 19; пуля в ногу — 25; ножевая рана — 25; «крупная работа» — 100 долларов».

Прейскурант принадлежал чикагской «семье», возглавляемой Аль Капоне. К 1928 году этот гангстер завое-

вал в уголовном мире огромную популярность. «Король Чикаго» весил в те времена 130 килограммов, носил специальные костюмы, в которых незаметно умещались два пистолета, был непосредственным организатором 215 убийств. Одновременно, как утверждают исследователи уголовного мира, он был «удивительно деликатным» человеком и приходил в обморочное состояние при виде шприца, которым ему должны были сделать укол.

Несколько лет назад мне довелось присутствовать на беседе итальянского журналиста и писателя Феличе Киланти с ближайшим соратником босса американской «Коза Ностра» Аль Капоне. Никола Джентиле — так звали нашего собеседника — долгое время «проработал» в Соединенных Штатах и затем вернулся в родные сицилийские края, чтобы на досуге написать «честную» книгу о мафии.

Никола Джентиле не издал своих мемуаров. Он умер. Может быть, естественной смертью, может быть, и нет. Ему было под 80. Но то, что он успел рассказать, позволило заглянуть в «святая святых» мафии, в ее внутреннюю структуру.

Есть такая русская пословица: «по Сеньке и шапка». Слово «джентиле» переводится как «вежливый». Ничего не скажешь. Никола Джентиле был безукоризненно вежливым человеком. И в его облике не было ничего злодейского и кровожадного. Этаким чистенький старичок пенсионер с добрым выражением глаз. Правда, на совести «пенсионера» — более десятка убийств, но о них Джентиле предпочел тогда не вспоминать. По его словам, он «всегда соблюдал законы, справедливость и честь». Конечно, эти категории старый ас мафии рассматривал несколько специфически.

Вот он и поведал нам о том, какова организационная структура мафии. Ее первичной ячейкой, по словам Джентиле, является «десятка», во главе которой стоит полновластный хозяин — «капо». «Десятки», в свою очередь, объединяются в более крупные сообщества, чаще всего именуемые «семьей». Глава «семьи» командует всей мафией селения, города, провинции. На случай своего отсутствия, болезни или отсидки в тюрьме он самолично назначает своего заместителя из «высоких и почетных братьев».

Руководители «десяток», входящих в «семью», занимают обычно посты «советников». На Олимпе власти сидит «капо дей капи», или «король», единый и безраздельный диктатор.

Но структура власти в мафии весьма своеобразна. Главы «десяток» и сам «король» официально занимают посты только тогда, когда фактическая власть уже находится в их руках. А путь к власти в мафии — это путь через трупы. И этого отнюдь не скрывал Никола Джентиле, когда делился богатым опытом из своего американского периода жизни.

— Никто, синьоры мои, из высшей иерархии мафии не умер спокойно в своей постели, во всяком случае за тридцатилетний период между первой и второй мировыми войнами. Все «короли» погибли от рук киллеров. Свиный Тото Д'Акуила — «капо дей капи» до первой мировой войны — был убит Массерия, который занял место «короля». Но и Массерия перестарался в одной из операций по продаже контрабандного виски и был убит самим Аль Капоне...

Мафия не прощает тому, кто убивает, не поставив в известность ее «ассамблею». Есть у мафии такой нелегальный «парламент», куда входят представители наиболее могущественных группировок. «Ассамблея» приговаривает к смерти слушников и неугодных людей (после вынесения смертных приговоров их называют «обреченными»), она дает согласие на совершение больших и малых дворцовых переворотов. Тот, кто пойдет против «ассамблей», не заручившись согласием ее большинства, рискует потерять голову.

— Убивали, чтобы стать «капо», — рассказывал Никола Джентиле, — или чтобы сохранить за собой это место, или для того, чтобы исключить возможность вендетты, чтобы убрать с дороги возможного претендента, чтобы ликвидировать свидетеля совершенного преступления, наконец, просто из антипатии. Правда, эту роскошь могли позволить себе только те, кто обладал абсолютной властью... Мафиози не знают спокойной жизни. Смерть всегда рядом с ними — когда они дома в постели и когда в гостях у своих братьев за банкетным столом. К этому привыкаешь. Старуха с косою в конечном счете становится не такой уж антипатичной...

Потом Джентиле подумал и подытожил свои воспоминания чеканной формулой:

— Нет, синьоры, мафия родилась не сегодня и не завтра умрет. Потому что у нее везде корни, и она никому ничего не прощает. Вот, кстати, мой бывший шеф Аль Капоне. Это был настоящий джентльмен, уважавший законы нашего дела, никогда не подводивший братьев, но и не прощавший им предательства. Когда один из них стал осведомителем полиции и, разоблаченный нами, бежал за границу, Аль Капоне поклялся найти его и нашел. Он встретился с предателем в купе международного экспресса. Не случайно, конечно, и лично убил его. Газеты сообщили тогда, что в купе нашли труп с перерезанным горлом, но никто не знал, кто это сделал. Справедливость и беспощадность в нашем деле были необходимы. Кто не отступал от них, обеспечивал себе право умереть естественной смертью, что и выпало на долю Аль Капоне...

Но, несмотря на огромную известность Альфонса Аль Капоне, главной фигурой в уголовном мире того времени был тщеславный, коренастый, маленький человек, которого звали Джузеппе Массерия, по кличке «Джо-хозяин». Ему подчинялись самые крупные главари гангстерских шаек, включая Сальваторе Лючиано и Дона Вито Дженовезе. Однако каким бы могущественным ни был Массерия, преступный мир, который мог бы составить основу «Коза Ностра», был разобщен. Причем более всего обособленность и клановость проявляли кастелламмарезовцы — выходцы из сицилийского города Кастелламаре-дель-Гольфо. Их главарем в Нью-Йорке был Сальваторе Маранзано.

В 1930 году Массерия, решивший взять в свои руки полный контроль над всем итальянским преступным миром, осевшим на американской земле, попытался убрать со своей дороги Маранзано и других кастелламмарезовских боссов. Началась кровавая война между двумя мафиозными лагерями. Борьба была настолько жестокой и кровопролитной, что различные главари мафии пришли к общему выводу о том, что необходимо «ликвидировать яблоко раздора», то есть убить Массерию. Двое из его самых любимых друзей и помощников — Лючиано и Дженовезе — пригласили своего «капо» в один из ре-

сторон на Кони-Айленд. Никто не знает, удалось ли Массерия за секунду до смерти понять, что его предали. В полицейском рапорте о происшествии было сказано лишь, что посетитель ресторана был убит двумя выстрелами — в спину и в голову.

Сальваторе Маранзано стал полновластным главой всего итальянского уголовного мира в США, объявив себя «капо дей тутти капи», то бишь «боссом всех боссов». С его приходом к власти завершился организационный период создания «Коза Ностра», структура которой остается неизменной и по сей день.

Но царствование Маранзано оказалось таким же недолгим, как и тот хрупкий мир, который весьма ненадолго воцарился между «семьями». «Капо дей тутти капи» погубило сверхтщеславие. Он не выносил людей, которые хотя бы в минимальной степени могли оказаться его конкурентами. Однажды в близком окружении своих сообщников Маранзано бросил неосторожную фразу: «Я не могу больше выносить этих двух приятелей (то есть Лючиано и Дженовезе). Мне необходимо избавиться от них». Глава «Коза Ностра» даже не предполагал, что именно в этот день он подписал себе смертный приговор. Утром 10 сентября 1931 года несколько киллеров из личной охраны Лючиано, переодевшись под полицейских сыщиков, нагрянули в дом Маранзано на Парк-Авеню в Бруклине и, предъявив фальшивый ордер на арест, поставили всех находившихся в комнате лицом к стене. Двое из киллеров зашли в кабинет «капо», четыре раза выстрелили в него и затем, перерезав ему горло для полной гарантии, спокойно удалились.

На Олимпе власти «Коза Ностра» оказался Сальваторе Лючиано. Последовала санкционированная им серия убийств людей из близкого окружения Маранзано для «устрашения врагов». Затем «Счастливец» — так прозвали Лючиано за везение в темных делах — принял ряд мер для устранения причин возникновения междоусобиц. Он создал специальную «комиссию» из шести человек, которая должна была защищать рядовых членов американской мафии — «солдат» от всевластия их «лейтенантов», упразднил звание «капо дей тутти капи» и примирил враждовавших между собой в течение многих лет сицилийцев и неаполитанцев. Но пришла

очередь и Лючиано. В 1936 году его приговорили к тридцати годам тюрьмы за торговлю «живым товаром». Его сообщник — Дон Вито Дженовезе, занимавшийся махинациями с «итальянской лотереей», где все выигрывавшие номера оказывались в его руках, счел за лучшее не иметь дела с законом и в 1937 году уехал в Италию.

На смену «Счастливику» явился Фрэнк Кастелло. Франт с наманикюренными ногтями, тщательно следивший за своей внешностью, он всегда был чисто выбрит и одевался как аристократ. Кастелло оказался хитрым человеком, одаренным большой фантазией. Он расширил сферу влияния мафии вплоть до законного бизнеса и обеспечил ей солидные политические связи. Но ему не доставало решительности и безжалостности Лючиано. Поэтому после окончания второй мировой войны, когда в Нью-Йорк из Италии вернулся Дженовезе, все еще пользовавшийся авторитетом у других главарей мафии, Кастелло волей-неволей пришлось поступиться своим всевластием, а затем и вовсе сойти со сцены: 2 мая 1957 года один из киллеров Дженовезе тяжело ранил Кастелло, и тот был доставлен в больницу в предсмертной агонии. Главой «Коза Ностра» стал Дон Вито Дженовезе.

Деятельность «Коза Ностра» не ограничивалась, естественно, междоусобными войнами и сменой «руководства» мафии. Колоссальные прибыли, которые текли в карманы гангстеров от продажи алкогольных напитков, несколько не сократились после отмены «сухого закона». Место спиртного прочно заняли наркотики: кокаин, героин и другие смертоносные порошки. Расширились поступления от игорных домов и торговли «живым товаром», то есть от контролируемой мафией проституции. Безостановочным потоком текли деньги от всякого рода фальшивых лотерей, скачек, где выигрывали самые слабые лошади, и так далее. Одновременно усиливались и политические позиции «Коза Ностра». Не составляет особого секрета тот факт, что в конгрессе мафия имеет наибольшее число мандатов от штата Нью-Джерси и даже, как говорят, содержит целую парламентскую фракцию.

После захвата власти в «Коза Ностра» Вито Дженовезе созвал «общенациональный съезд» всех представителей мафии с тем, чтобы как-то объяснить гибель Кастелло и укрепить свой авторитет среди представителей

уголовного мира. «Съезд» состоялся в одном из городов штата Нью-Йорк 14 ноября 1957 года. Однако не успели представители «семей» открыть свое совещание, как дом, где они собрались, оказался окруженным полицейскими. Все участники сборища были арестованы. Но их не смогли упрятать в тюрьму лишь по обвинению в участии на «съезде». Прямых же улик и свидетелей преступной деятельности «Коза Ностра» у американского правосудия не было. Только шесть месяцев спустя Дженовезе был арестован по обвинению в нарушении федерального закона, запрещающего торговлю наркотиками. В 1969 году он был приговорен к 15 годам лишения свободы. Уже будучи в тюрьме, Дженовезе пришел к выводу, что его предал «солдат» одной из «семей» — Джо Валачи, который находился с ним в одной и той же тюрьме города Атланты.

Имя Джозефа Валачи, рядового «солдата» мафии, видимо, никогда бы не попало на газетные полосы, если бы не ряд событий, причиной которых оказался его страх перед мстостью «Коза Ностра».

Валачи родился в 1904 году в восточном Гарлеме Манхэттена в семье эмигрантов-неаполитанцев. В восемнадцать лет он стал членом крупной воровской шайки в качестве шофера машины, на которой совершались налеты на магазины, склады и банки. В 1923 году молодой бандит попал в тюрьму Синг-Синг. Выйдя из нее через пять лет, он сам сколотил шайку преступников и начал заниматься грабежами. В 1930 году Валачи был завербован людьми Маранзано и стал «солдатом», то есть рядовым членом нью-йоркской мафии. Посвящением его в «рыцари лупары» руководил сам «капо дей тутти капи».

Вот как рассказывает об этом американский журналист Питер Маас: «Маранзано посадил Валачи по правую руку от себя за стол, где вместо обеденного прибора перед ним лежали пистолет и нож. Маранзано изрек: «Эти предметы говорят о том, что ты зарабатываешь на жизнь кинжалом и пистолетом и умрешь от них же». Затем он спросил Валачи, каким пальцем тот нажимает на курок пистолета. «Вот этим», — ответил Валачи, поднимая вверх указательный палец правой руки. К Валачи приблизился «Банановый Джо» — «Крестный», который

должен был отвечать за Валачи перед «Коза Ностра». Он проколол указательный палец Валачи булавкой и выдавил несколько капель крови. Маранзано сказал: «Эта кровь означает, что мы теперь родственники по крови, одна семья».

В дальнейшем Валачи принял участие в убийстве своего «родственника по крови» и босса и перешел в «семью» Вито Дженовезе. Он занимался сначала жульническими операциями с лотереями, затем более «выгодным» делом — тайной торговлей героином. Однако этот бизнес оказался роковым для «солдата». В 1954 году он попал в тюрьму, был выпущен под залог, но в 1959 году его вторично арестовали и приговорили к 15 годам лишения свободы за торговлю наркотиками. Так он оказался в Атланте вместе с Вито Дженовезе. И вот тогда кто-то донес мафиозному боссу, что Валачи является осведомителем ФБР. На одной из прогулок Дженовезе, имевший непререкаемый авторитет среди уголовников в тюрьме, подошел к Валачи и сказал: «Ты знаешь, нам сюда прислали бочонок яблок, и среди них одно, видимо, гнилое. Так вот, это яблоко придется убрать...»

Валачи понял намек, хотя не чувствовал за собой никакой вины. Он стал оправдываться. Дженовезе сделал вид, что поверил ему, обнял его и поцеловал. «Поцелуй смерти», — пробормотал про себя один из стоявших рядом уголовников. Валачи услышал это и понял, что он обречен. По обычаям мафии, тот, кого целует глава «семьи», может не сомневаться в том, что его ожидает в недалеком будущем. 22 июня 1962 года, совершая утреннюю прогулку, Валачи схватил валявшуюся во дворе железную трубу и убил ею одного из заключенных, думая, что он — киллер, подосланный к нему Дженовезе. Валачи ошибся. Жертвой оказался уголовник, не имевший никакого отношения к «Коза Ностра». Валачи вновь судили и приговорили к смертной казни. Потом высшая мера была заменена пожизненным заключением, потому что «солдат» мафии «раскололся» и рассказал, чем он занимался в «Коза Ностра» и что знал о ее преступных делах. «Исповедь» Валачи заняла 1180 страниц. На ее основе американский журналист Питер Маас написал книгу «Записки Джо Валачи».

Вот что пишет он о том, как удалось выудить сведения о «Коза Ностра» у бывшего «солдата» мафии: «Валачи, обвиненный в тяжком умышленном убийстве, каким-то образом сумел передать записку Роберту Моргентау, окружному прокурору Нью-Йорка, в которой написал, что готов «сотрудничать». Благодаря этому ему заменили статью, приговорили вместо смертной казни к пожизненному заключению и отправили в тюрьму, находящуюся в нескольких милях от Нью-Йорка. Там его тщательно допросили агенты Федерального бюро по борьбе с торговлей наркотиками.

Выживая сведения, касающиеся транспортировки героина, агенты выяснили значительно больше, чем ожидали. Постепенно от допроса к допросу все яснее и яснее проступали черты огромного, охватившего всю страну преступного синдиката. Джозефом Валачи занялось Федеральное бюро расследований. За дело Валачи взялся Джеймс П. Флинн, лучший следователь ФБР.

Валачи еще ничего не упоминал о «Коза Ностра», но эти два слова уже были известны агентам ФБР из перехваченных телефонных разговоров.

Как-то Флинн сказал Валачи:

— Джо, перестань вилять. Я хочу поговорить с тобой о тайном обществе. Как оно называется? Мафия?

— Нет,— ответил Валачи,— это выражение используют только непосвященные.

— Но оно тоже называется по-итальянски?

— О чем это вы?

— Нам известно больше, чем вы думаете,— заявил Флинн.— Я сообщу тебе сейчас первую часть названия, а ты вторую. «Коза...»

Валачи побледнел. Несколько минут он молчал, потрясенный. Наконец прохрипел:

— «Коза Ностра»! Так вы уже знаете о ней?

«Коза Ностра» по-итальянски означает «Наше дело». Валачи объяснил его как «Это дело наших». После такого признания Валачи прорвало, и он начал обрисовывать сложную структуру этой преступной организации. Но он все время страшно боялся, и его мысли перескакивали с одного предмета на другой. «Ведь это только вопрос времени,— заявил он.— «Коза Ностра» рано или поздно, а все равно до меня доберется».

Опасения Валачи не были беспочвенны. ФБР установило, что, пока Джо сидел в Уэстерской тюрьме, «Коза Ностра» искала его по всей территории штата Нью-Йорк и назначила стотысячную премию за его голову. В январе 1963 года его в строжайшей тайне перевезли в военный форт Монмут (штат Нью-Джерси).

В минуты самого мрачного уныния, непрерывно меряя камеру шагами и куря одну сигарету за другой, Валачи считал, что всякие старания разрушить эту огромную организацию тщетны.

— «Коза Ностра» похожа на государство в государстве! — восклицал он. — Она огромна. Что может получиться хорошего, если я даже и расскажу вам о ней? Вас никто не будет слушать. Никто не поверит!»

Книгу Питера Мааса не очень хотели издавать в Соединенных Штатах. Почему? Потому, что она стала обвинительным актом не только против «Коза Ностра», но и против Федерального бюро расследований, оказавшегося бессильным в борьбе с преступной организацией. Недаром покойный Эдгар Гувер утверждал, что не знает, что такое «Коза Ностра»...

Воскресная лондонская газета «Санди таймс» не отказывается никогда от того, чтобы привлечь внимание своих читателей к какой-нибудь необычной истории. В одном из номеров за 1972 год она напечатала весьма любопытную статью о том, как снимали одну из сцен нашумевшего фильма «Крестный». Так назывался кинематографический бестселлер с популярным актером Марлоном Брандо в заглавной роли, выпущенный американской кинокомпанией «Парамоунт». Фильм обошел все западные экраны. И хотя он рассказывал о деятельности «Коза Ностра» в сороковых — пятидесятых годах, факт его запуска в производство не на шутку взволновал руководителей нынешней американской мафии. Примерно за полгода до начала съемок продюсер фильма Альберт Радди получил огромное количество писем, в которых будущая кинокартина называлась антиитальянской и где содержались весьма недвусмысленные угрозы в адрес ее создателей.

Радди решил встретиться с настоящим «Крестным» — главой одной из пяти нью-йоркских «семей» мафии Джо-зефом Коломбо-старшим. Вечером 25 февраля 1971 года

эта встреча состоялась в отеле «Парк-Шератон», где в большом танцевальном зале собралось полторы тысячи членов «Лиги защиты гражданских прав италоамериканцев», которую основал все тот же Коломбо-старший. Радди объяснил собравшейся «почтенной публике», что в фильме будут изображены отдельные личности и что никто не станет порочить итальянцев, проживающих в США. «Это фильм о сегодняшней Америке, о коррупции общества вообще,— объяснял продюсер,— о том, как плохо приходится эмигрантам, сталкивающимся с дискриминацией и предубеждением». В конце концов соглашение было достигнуто: Радди сделал некоторые купюры в сценарии, изъял слова «мафия» и «Коза Ностра», а взамен получил благословение Коломбо на производство фильма и группу статистов из лиги, чтобы в картине «итальянцы походили на итальянцев».

Фильм вышел на экраны. Он имел баснословный коммерческий успех. Ходили слухи, что лига получила свою долю после премьеры в весьма внушительных суммах. А через некоторое время в Нью-Йорке произошли события, которые поразительно напоминали сценарий «Крестного».

...Джо Галло появился в Бруклине после окончания второй мировой войны и вошел в местную мафиозную «семью» в качестве киллера. «Капо» бруклинской мафии Профачи по достоинству оценил способности наемного убийцы, самолично присвоив ему кличку «Бешеный». По приказу босса «Бешеный» Джо вместе со своими двумя братьями убил, в частности, управляющего портом Бруклина Альберто Анастасия. Этот эпизод со всеми деталями и подробностями был воспроизведен в кинофильме «Крестный». Братья Галло, не гнушаясь ни убийствами по заказу, ни ростовщичеством, ни доходами от «охраняемых» ими проституток, очень скоро сколотили солидный капитал и, почувствовав силу, потребовали от Профачи предоставления им новых сфер деятельности и более солидной доли в прибылях «семьи». Профачи ответил отказом. Тогда братья Галло объявили ему войну. К лету 1963 года число убитых с обеих сторон подходило к полутора десяткам. Возможно, что обоюдная резня продолжалась бы и дальше. Но случилось так, что Профачи умер от рака, а «Бешеный» угодил в тюрьму. В связи

с этим в начале 1964 года между приверженцами Профачи и братьями Галло было заключено перемирие.

Однако, когда в марте 1971 года Джо Галло вышел на свободу, он объявил, что не признает перемирия, и снова ринулся в бой. Во всяком случае, в июне 1971 года во время митинга, проводившегося уже упоминавшейся «Лигой защиты гражданских прав италоамериканцев» в центральном парке Нью-Йорка, был смертельно ранен «Крестный» — Коломбо-старший. Как писали газеты, покушение совершил «Бешеный» Джо за крупную сумму, полученную от Карло Гамбино, который стал одним из сильнейших боссов «Коза Ностра» в Нью-Йорке.

В четверг 6 апреля 1972 года Джо Галло справлял свое сорокатрехлетие в обществе новой жены, ее десятилетней дочери от первого брака и родной сестры. Пиршество затянулось за полночь. Наступила пятница. В шестом часу утра в комнату ворвался незнакомец и несколько раз выстрелил в Джо и его телохранителя. Последний отделался ранением в бедро, а Галло через три дня уже лежал в бронзовом гробу. Карло Гамбино пообещал родственникам Джо, что преступник будет наказан. И действительно, уже на шестой день после похорон полиция насчитала пять трупов мафиози. Новый «Крестный» Нью-Йорка мстил за смерть своего киллера...

Через три года Карло Гамбино еще раз официально пообещал «сурово наказать преступников», убивших его друга по мафии 67-летнего Сэма Джансана. Сдержит ли на этот раз обещание Гамбино и где он будет искать убийц своего коллеги? Дело в том, что ординарная на первый взгляд мафиозная склока, закончившаяся традиционными выстрелами из крупнокалиберного пистолета (или пистолетов), превратилась неожиданно в крупный политический скандал с участием... Центрального разведывательного управления.

Но сначала несколько слов о жертве — Сэме Джансана, застреленном 19 июня 1975 года. Полвека назад семнадцатилетним парнем Джансана начал свою «работу» в чикагской мафии. Вначале, естественно, рядовым «солдатом». Сидел за рулем автомашины, на которой нужно было перевезти награбленное, стоял на стреме, пока более «квалифицированные» мафиози очищали ювелирную лавку, по указанию боссов ломал кости очеред-

ным жертвам «Коза Ностра». Своей исполнительностью и «чистой» работой он заслужил одобрение самого «короля» чикагского преступного мира Аль Капоне и был приближен к его трону. В связи с этим изменился и характер работы Джансана. Ему доверили руководство крупными аферами со спиртным, наркотиками, тайными притонами и игорными домами. Но, видимо, кое-что прилипало к его рукам и помимо официальных, так сказать, дивидендов.

Появившиеся деньги в сочетании с «особенностями» характера Джансана — холодной жестокостью и иезуитским коварством — сделали свое дело. К середине пятидесятых годов невысокий, рано облысевший человек, с невыразительным лицом, любивший блестящие побрякушки и бриллиантовые запонки, растолкав претендентов на трон «Коза Ностра» где выстрелом наемного киллера, а где крупной взяткой, взял в свои руки бразды правления чикагской мафией. Еженедельник «Ньюсуик» определял преступное королевство Джансана как многомиллионное владение, держащееся не только на международных игорных домах, организованной преступности, торговле наркотиками, но и на обычном, так сказать, законном бизнесе, на «дружеских» отношениях с мэрами городов, шефами полиции, членами законодательных ассамблей штатов и даже с конгрессменами.

Наиболее доходные игорные дома и другие злачные места, принадлежавшие Джансана, находились на Кубе вплоть до прихода к власти Революционного правительства Фиделя Кастро. Потеряв движимость и недвижимость на кубинской земле, чикагский мафиозо начал постепенно утрачивать свое бывшее могущество и власть над преступным миром в городе. Нет, его пока никто не решался исключить из числа боссов. Джансана продолжал оставаться одним из влиятельных членов «ассамблей» американской «Коза Ностра» и лучшим другом главы последней — Карло Гамбино.

И вот тогда-то в биографию чикагского мафиозо вкралась одна деталь, которая стала достоянием американских газет уже после его смерти. В жизнь Джансана вошел человек из ЦРУ...

Нам вряд ли необходимо лишний раз представлять эту организацию, расследование скандальных дел кото-

рой продолжается и по сей день. В самой Америке уже не шепотом, а в открытую на страницах журналов и газет упоминаются имена Патриса Лумумбы, Сальвадора Альенде и ряда других государственных, политических и общественных деятелей, убийства которых были организованы «специалистами» из ЦРУ.

Достоянием американского общественного мнения стало и то обстоятельство, что в самом начале шестидесятых годов соответствующее подразделение ЦРУ готовило покушение на жизнь Фиделя Кастро и других кубинских руководителей, которое должно было по идее американских специалистов «плаща и кинжала» обеспечить гарантированный успех интервенции в заливе Свиней. Кто был вдохновителем этой операции, мы пока не знаем. Сообщение комиссии Белого дома по расследованию деятельности ЦРУ во главе с вице-президентом Д. Рокфеллером о том, что бывший президент США Джон Кеннеди знал о готовившемся покушении, породило в Америке волну протеста. Президент, сам ставший жертвой заговора, окружен ореолом жертвенности, и поэтому имя его пользуется тем всеисключающим иммунитетом, который дала когда-то ушедшим в мир иной древняя римская пословица: «О мертвых или хорошо, или ничего».

В том, что касается организаторов операции, сведения более конкретны и убедительны. Мы опять-таки пользуемся теми данными, которые опубликовала американская печать, в том числе и такая влиятельная газета, как «Вашингтон пост». Идея убийства кубинских лидеров во главе с Фиделем Кастро возникла весной 1960 года и пришлась по вкусу тогдашнему руководителю отдела безопасности ЦРУ полковнику Эдварсу Шеффилду. Он подготовил соответствующую бумагу с предложениями, которую представил по инстанции на имя заместителя директора Центрального разведывательного управления по планированию Ричарда Биссела. Этот последний поручил конкретную разработку операции своим сотрудникам. Основной вопрос, который он поставил перед ними, звучал кратко и конкретно: «Кто будет исполнителем?»

И вот тогда-то вспомнили о «Коза Ностра». На «нужных» людей работников ЦРУ вывел бывший агент ФБР

Роберт Мэхью. Предложенные им кандидатуры Сэма Джансана и его подручного Джона Роселли подходили по всем статьям. Первый потерял на Кубе приносящие сумасшедшие прибыли притоны, второй прославился как искуснейший специалист по «мокрым делам». Так или иначе, сотрудникам ЦРУ удалось завербовать и Джансана и Роселли. С ними было заключено соглашение. Талья за проведение операции — 150 тысяч долларов. Но, конечно, не только деньги интересовали Джансана. Во-первых, он ненавидел кубинскую революцию — это была идеологическая основа его вербовки, и, во-вторых, ему нужно было покровительство ЦРУ, чтобы развернуть бизнес на игорных домах в Лас-Вегасе, куда он вложил уже немало средств.

Когда соглашение между «сторонами» было достигнуто и мафиози получили свой аванс от американской разведки, о планируемой операции было доложено на самый верх — тогдашнему директору ЦРУ Аллену Даллесу. Он дал санкцию. Пока, правда, доподлинно неизвестно, информировал или нет Даллес о готовящихся убийствах президента Эйзенхауэра, но не в этом суть. Оба мафиози начали подготовку к проведению акции. И тут мнения американских газет расходятся. Одна их часть утверждает, что Джансана и Роселли приступили к подготовке террористической группы из особо проверенных мафиози для заброски ее на Кубу и осуществления серии убийств. Другая считает, что «мероприятие» должны были осуществить непосредственно Джансана и его подручный, которых снабдили таблетками с ядом, изготовленными в лабораториях ЦРУ. Этими таблетками мафиози намеревались отравить Фиделя Кастро, его брата Рауля, Че Гевару и других руководителей кубинской революции через специально подосланных к ним людей...

Операция эта провалилась. Джансана оказался в Мексике в связи с тем, что американское правосудие стало трясти его в первой половине шестидесятых годов по разным мафиозным делам. Но в Мексике старый ас игорных притонов начал заниматься бизнесом «азарта», и, видимо, настолько активно, что мексиканские власти выслали его обратно в Соединенные Штаты. Вернувшись в родные пенаты, Джансана приобрел в западном пригороде Чикаго домик, оборудованный самой усовершенст-

ванной аппаратурой, гарантирующей полную безопасность, с бронированным подвалом и пуленепробиваемой дверью.

Старый мафиозо вроде бы успокоился. Но судебные власти начали допекать его повестками. То вызвали в суд за лжесвидетельство, то требовали показаний по старым уголовным делам... И, наконец, Джансана получил повестку от сенатской комиссии по расследованию причастности ЦРУ к заговорам с целью политических убийств. За два дня до намеченной встречи со старшим юрисконсультком комиссии Фритцем Шварцем Джансана устроил у себя на вилле званый обед. Собственно, не очень званый. Старый мафиозо не любил больших шумных компаний, давно усвоив несложную истину о том, что, чем больше людей, тем больше карманов, в которых могут быть спрятаны пистолеты. На обеде были дочь Джансана с мужем, один из подручных босса и шофер-охранник. Неподдалеку от дома дежурил автомобиль ФБР с полицейскими в штатском, которые в те дни негласно охраняли Джансана от «неожиданностей». Когда около 11 часов вечера гости разошлись, уехала и полицейская машина.

Далее события развивались так, как о них рассказал старый слуга Джансана — 82-летний Джозеф ди Персион. По его словам, уставший после обеда хозяин решил отдохнуть и поэтому отправился в свой бронированный подвал. А потом раздались выстрелы. Когда перепуганный слуга спустился вниз, все было кончено. Сэм Джансана лежал мертвый на полу в луже крови. Семь выстрелов из пистолета 38-го калибра — констатировала полиция. Одна пуля попала в затылок, другая в подбородок, около рта, остальные в грудь. Криминалисты, исследовав положение трупа, траекторию пуль и т. д. и т. п., выдвинули версию о том, что мафиозо был убит человеком или людьми, которых он, видимо, знал, ибо не принял перед роковыми выстрелами никаких мер для самообороны...

Итак, кто же убил Сэма Джансана? Старая сицилийская поговорка гласит: «Ищи убийцу среди тех, кто раньше заговорил об убийстве». Первым на убийство бывшего босса чикагской мафии откликнулся теперешний директор ЦРУ Уильям Колби. «Мы к этому не имеем ни-

какого отношения», — сообщил он журналистам. Одновременно с ним высказался и главарь нью-йоркской «Коза Ностра» Карло Гамбино, поклявшийся «наказать преступников» и самолично присутствовавший на пышных похоронах своего друга.

Так кто же убрал Джансана? ЦРУ или «Коза Ностра»? А может быть обе вместе? Одна организация дала задание, вторая его выполнила, тем более что Джансана был, как писали американские газеты, слишком опасным свидетелем как для американских разведчиков, так и для мафиози из «Коза Ностра»... Кстати, в руки членов сенатской комиссии по темным делам ЦРУ попал и Джон Роселли, который уже успел заявить о том, что и он и Джансана были завербованы американской секретной службой и что с ними разрабатывался план убийства кубинских руководителей. Говорят, что после этих показаний за жизнь Роселли никто не дает даже цента. Только кто на этот раз спустит курок 38-го калибра — мафиози или специалисты по «мокрым делам» из ЦРУ?

«Коза Ностра» — позорное пятно Америки, мафия — позорное пятно Италии. Обе преступные организации прочно связаны между собой морскими и воздушными мостами, по которым перевозятся наркотики и контрабандные товары, идет обмен киллерами, проходящими взаимную «стажировку» или же укрывающимися на время от правосудия. Ни Федеральное бюро расследований США, ни итальянские карабинеры и полицейские пока ничего не могут противопоставить постоянно развивающемуся и совершенствующемуся уголовному миру на двух континентах. Почему? На этот вопрос бывший гангстер, а затем «пензионер» мафии Никола Джентиле ответил так:

— Мафия, синьоры мои, родилась не сегодня и не завтра умрет. Потому что она — наш образ жизни.

А ведь верно. Пока существует капиталистический образ жизни, пока у власти стоят буржуазные правительства, легко поддающиеся коррупции и использующие организованную преступность в своих политических целях, до тех пор преступления мафии будут оставаться не только сюжетами для детективных кинофильмов...

«Антимафия»

Несколько лет назад в Италии была создана специальная парламентская комиссия по борьбе с мафией. «Антимафия» — так окрестили ее на Апеннинах. Кстати, первым документом, представленным новому парламенту после последних всеобщих выборов в мае 1972 года, был двухтомник «Антимафии» размером в 2038 страниц. Так сказать, итог многолетней работы комиссии.

Как отнеслась итальянская общественность к этому труду? В целом отрицательно. Почему? Вот что ответил на этот вопрос известный сицилийский писатель Леонардо Шаша, посвятивший свое творчество разоблачению преступной деятельности мафии: «Парламентская комиссия пошла в своей работе порочным путем, ибо отделила мафию от общества, мафию от власти. А между тем мафия на Сицилии является формой и методом выражения государственной власти. Именно в этом плане и не выдерживает никакой критики представленный комиссией доклад. Он не раскрывает, а, наоборот, затушевывает тесные связи между мафией и представителями государственной власти. Если мафия — обвиняемый, то кто ее должен обвинять? Власть? Но она сама же связана с бандитизмом и именно поэтому не хочет обвинять самое себя...

На мой взгляд, комиссии не так уж необходимо заниматься расследованиями новых преступлений, которые не прекращаются. Она может, если захочет естественно, располагать более интересными материалами: полным комплектом полицейских донесений за последние пятьдесят лет о кровавых делах «Онората сочиета». Полицейские чиновники и карабинеры знают абсолютно все обо всех, знают гораздо больше того, нежели изложила на более чем двух тысячах страницах парламентская комиссия. Имея эти донесения и рапорты, можно понять и узнать многое из того, что еще остается тайной, можно, в частности, познакомиться с именами двух, а может быть, и пяти десятков политических деятелей, которые в той или иной степени замешаны в различных аферах мафии...

В общем, говоря короче, все дела мафии за последние полвека известны довольно хорошо, до самых мель-

чайших подробностей. Достаточно лишь открыть сейфы полицейских управлений. Именно этим и должна заняться парламентская комиссия начиная с сегодняшнего дня, хотя вряд ли она сделает подобный шаг. Ибо для того, чтобы его сделать, нужно иметь мужество обвинить власть имущих, представителей господствующего класса, политической власти, которые связаны с мафией...»

Что же, сицилийский писатель оказался прав. У «Антимафии» не хватило мужества открыть секретные сейфы полицейских комиссариатов. Более того, в феврале 1973 года несколько членов парламента, представляющих левые партии, вышли из комиссии по борьбе с мафией, обвинив правящие круги не только в попустительстве ей, но и в использовании представителей преступной организации для своих политических целей.

Секретарь парламентской комиссии сенатор-социалист Винченцо Гатто сказал, что покидает свой пост, потому что «комиссия спит, а мафия процветает». В заявлении об отставке Гатто писал: «Комиссия действительно спит, и никто даже не знает, существует ли она вообще. И все это происходит в тот момент, когда мафиози вновь возвращаются на те места, откуда их было изгнали, когда в Палермо и других городах продолжают убивать». Гатто в качестве парадокса рассказывает о том, что один из членов «Антимафии» христианский демократ Джованни Матта был вызван в качестве свидетеля в суд, где разбиралось дело о спекулятивном строительстве в Палермо, в котором были замешаны мафия и он сам. Действительно, факт, напоминающий тот случай, когда провинившуюся щуку бросили в воду, чтобы наказать ее...

Сенатор-социалист обвинил христианско-демократическую партию, основную правящую буржуазную партию страны, в попытках «свести на нет то немногое, чего удалось добиться в сфере законодательства за время действия комиссии». Действительно, если прежний состав комиссии так или иначе, но пришел все-таки к единодушному выводу о том, что «мафия существует только благодаря пособничеству политических партий и власти», то нынешний председатель «Антимафии» христианский демократ Луиджи Карраро уже сетует на то, что

его предшественники «зашли слишком далеко в своей активности», и говорит, что он намерен лишь «привести в порядок весь собранный материал».

А мафия между тем продолжает убивать. В местечке Санта-Розалия, неподалеку от Палермо, киллеры мафии убили коммерсантов за то, что те не уплатили вовремя полагающегося с них «оброка». В местечке Роккамена убиты братья Карло и Лоренцо Анкона. Они — жертвы не поделивших что-то двух «семей». На улице Серридифалько в Палермо убит из лупары киллер Джузеппе Мусунцерра — чем-то провинился перед мафией... Список жертв мафии все растет и растет. За последние годы число убитых превысило пятьсот человек. Среди них около шести десятков — профсоюзные деятели и активисты.

В чем же основная задача борьбы против мафии — этого невидимого владыки капиталистического мира?

Борьба против мафии не может быть отделена от борьбы за новую политику, за новое государство, за новый правящий класс. Историческая вина христианских демократов в Италии заключалась, между прочим, в том, что они оставили на Сицилии старое государство в том виде, как оно было создано правящими классами прошлой эпохи, несмотря на победу сил Освобождения над фашизмом. Они взяли на себя колоссальную ответственность в тот исторический период, потому что нарушили самым грубым образом основы республиканской конституции и новый статус Сицилии, базировавшийся на единстве народных масс, на новых формах свободы, демократии и управления.

«Антикоммунистический выбор христианско-демократической партии, который она сделала, опираясь на поддержку Соединенных Штатов, якобы в целях защиты так называемой «западной цивилизации», — писал член Политбюро Итальянской компартии Эммануэле Маккалузо в своей недавно вышедшей книге «Мафия и государство», — превратил эту партию во врага всех тех социальных и политических сил, которые борются против отжившей свой век государственной структуры. Следствием такой политики и явилось слияние мафии с антикоммунистическими силами. Не случайно поэтому все главари мафии как по команде объявили себя жертвами

«коммунистического преследования», как ни дико и смехотворно звучат эти заявления.

Это, в частности, сказал небезызвестный Лючано Леджио, вернее, его адвокат на одном из парламентских дебатов по проблемам борьбы с мафией. Он заявил, что его клиент «обвиняется в бандитизме и преследуется коммунистами».

Это сказал Франк Коппола: «Причины, по которым меня преследуют, я знаю. После двадцатичетырехлетнего пребывания в Америке я понял, что такое демократия, и стал истинным демократом. Именно поэтому меня преследуют коммунисты. Для них я — удобное орудие борьбы против их политических противников».

Это сказал бандит Джузеппе Руссо: «Меня преследуют за то, что я антикоммунист...»

Став, таким образом, партией старых правящих классов, руководимых блоком крупных аграриев, христианские демократы открыли новые горизонты и возможности перед мафией, которая, естественно, собрала все свои силы под знамена этой партии... Вот почему Итальянская коммунистическая партия при анализе причин существования мафии исходит из классовых соображений. Она не отталкивает, а, наоборот, борется за тех, кто оказался втянутым в мафию...

Узкий Мессинский пролив отделяет Сицилию от еще одной слабо развитой провинции Южной Италии — Калабрии. Перешагнув через пролив, «Онората сочиета» меняет название мафия на «ндрангета».

У ндрангеты те же законы, те же социальные корни, что и у сицилийской мафии. И государство противопоставляет ей репрессивные меры столетней давности, которые бьют мимо цели, не достигают виновных и не уничтожают той среды, что способствует росту преступности.

Ндрангета применяет весьма оригинальный метод получения «оброка» с калабрийских крестьян. Весной к крестьянину приходит «ндрангетисто» и заявляет, что он «будет охранять сад или плантацию крестьянина». С этого момента урожай сада или поля переходит в полное распоряжение незваного «сторожа». Он договаривается с будущим покупателем товара о цене и выплачивает им же устанавливаемую «долю» (как правило, мизерную) производителю. Горе тому, кто откажется от услуг «сто-

рожа». В лучшем случае погибнет урожай, в худшем — хозяина найдут с простреленной головой...

Сейчас неизвестно, кто именно возглавляет калабрийскую ндрангету, хотя знают, что она функционирует весьма активно, о чем свидетельствует непрерывно возрастающее число убийств и иных преступлений.

...На «процессе века» в Катандзаро в перерыве между заседаниями судья с грустью говорил журналистам: — Сможем ли мы покончить с мафией? Трудно сказать, когда наступит этот день.

Этот день наступит, когда в Италии исчезнет та среда, те социальные причины, которые питают мафию. Нынешнее буржуазное общество не борется с концерном преступников, потому что само порождает мафию и использует ее в интересах обогащения кучки монополий, в целях запугивания и шантажа широких трудящихся масс в Италии, борющихся за коренной сдвиг влево политической оси в стране, за социальный прогресс, за социализм.

Вот почему итальянские коммунисты и их политические союзники видят основную свою задачу в борьбе не против мафии как таковой, а против капитализма, чьим порождением является эта зловещая, преступная организация.

Содержание

ТЕНИ ОСТРОВА СОЛНЦА (Вместо предисловия)	3
ЧЕРЕЗ ТУМАН ВЕКОВ	13
«РЫЦАРИ ЛУПАРЫ»	21
ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ	35
МАФИЯ И ЧЕРНОРУБАШЕЧНИКИ	48
«НАШЕ ДЕЛО» В АМЕРИКЕ	54
«АНТИМАФИЯ»	74

Колосов Леонид Сергеевич

МАФИЯ — КОНЦЕРН ПРЕСТУПНИКОВ

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*

Редактор *Л. С. Боярская*

Художник *Г. Ш. Басыров*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Сдано в набор 26 сентября 1975 г. Подписано в печать 27 ноября 1975 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Услови. печ. л. 4,20.
Учетно-изд. л. 4,12. Тираж 200 тыс. экз. А00197. Заказ № 4964. Цена
13 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.